ПЯТНИЦА

№ 112

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ назначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ *С.-Петербургѣ*: въ конторѣ редакціи, въ зданіи Главнаго Штаба, иждъздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, *Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Безрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сына Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАВЕЛЕННЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

26 АПРѢЛЯ
8 Мая

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклама 20 к. за строку. За употребленіе Ремонъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ГОДЪ

53-й.

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I. *Отъ Ташкента до Кокана.*

Всѣмъ и каждому извѣстны настоящія мирныя отношенія русскаго правительства къ нашимъ средне-азіятскимъ сосѣдямъ—Бухарѣ и Кокану, извѣстны цѣли правительства—возстановить по возможности правильныя торговыя сношенія, обезопасить торговые пути и дать русскимъ торговымъ людямъ и произведеніямъ нашихъ фабрикъ возможность проникнуть въ глубь Азіи etc. etc. etc. А потому военныя дѣйствія давно прекращены; бухарскій посланникъ гоститъ въ Ташкентѣ, коканскій недавно уѣхалъ (*) и нашъ средне-азіятскій вопросъ теперь въ области дипломатіи.... Эмиръ выслалъ взятаго бухарскими киргизами прошлымъ лѣтомъ въ плѣнъ поручика Служенко; въ Коканъ ѣздила наша миссія. Обстоятельства доставили мнѣ случай сопровождать эту миссію, побывать въ Коканѣ и написать мои дорожныя замѣтки.

Излагать въ нихъ все, касающееся собственно миссіи и цѣли ея, нахожу совершенно лишнимъ, а потому прямо приступаю къ дѣлу.

Мы должны были ѣхать на *Той-тюбе*. Это сартовская деревня, въ 4-хъ ташахъ отъ г. Ташкента. Линейная мѣра ташъ, по словамъ однихъ, равняется восьми нашимъ верстамъ, по словамъ другихъ—1,000 шаговъ (**). Въ первомъ случаѣ до Той-тюбе должно быть 32 версты, во второмъ,—если принять ташъ за аршинъ,—до Той-тюбе должна быть одна съ чѣмъ-то верста. Впрочемъ, нелѣпость послѣдней цифры, да и всего вообще, что касается сартовской географіи, весьма наглядно объясняется тѣмъ, что, выѣхавъ изъ Ташкента 19-го декабря прошлаго года, въ 12 часовъ дня, мы, въ особенности я съ моимъ транспортомъ, едва-едва достигли Той-тюбе, или, вѣрнѣе, по-сартовски *Той-тепе*, къ 10-ти часамъ вечера.... Но, помимо неточностей въ опредѣленіи сартовскихъ линейныхъ мѣръ, не нужно забывать свойства дороги. Я, объѣхавъ всю область, никогда не видѣлъ ничего безобразнѣе въ буквальномъ, точномъ смыслѣ дороги отъ Чирчика до Той-тепе. Представьте себѣ сплошную, съ глубокими выбоинами, грязь по брюхо лошади, *арыки* (***) съ берегами, изрытыми ногами животныхъ, съ мостиками, составныя части которыхъ (жерди, камышъ и т. п., ничѣмъ несвязанное) расползлись во всѣ стороны; представьте все это почти на каждомъ шагу, на разстояніи 30-ти съ лишнимъ верстъ, и дорога до Той-тепе передъ вами, если вы хоть отчасти знакомы съ характеромъ почвы и всѣхъ другихъ прелестей нашихъ средне-азіятскихъ владѣній. До рѣки *Чирчика*, верстахъ въ восьми отъ Ташкента, можно проѣхать сносно, хотя въ половодье самый Чирчикъ, играя самъ по себѣ, шутитъ съ проѣзжими весьма плохія шутки. Съ Чирчика обыкновенно начинаются испытанія.... И въ нашемъ транспортѣ вьюки колыхались на спинахъ лошадей и увлекали ихъ въ бездны.... грязи. Транспортъ останавливался, поднимали лошадь, укрѣпляли вьюкъ и шли далѣе. Черезъ 20 саженъ снова паденіе какого нибудь поджараго буцефала, снова мученія.... Но какъ бы то ни было, мы достигли Той-тепе. Въ деревнѣ этой до 100 дворовъ; на улицахъ невылазная грязь, навозъ; все печально. Мы въ *Курамѣ*.

Курамою зовется вся мѣстность на югъ отъ р. Чирчика (****) и до Ходжента, на востокъ до кряжа *Кендиръ-диванъ*, о которомъ я буду говорить ниже, и на западъ до праваго берега Дарьи. Курама частью покрыта зеленѣющими зимой и сухими въ жары холмами, частію гориста, напримѣръ къ Ходженту. Населеніе состоитъ изъ киргизовъ, отличныхъ, впрочемъ, отъ всѣхъ прочихъ киргизовъ тѣмъ, что кураминцы живутъ почти осѣдло.

Давнымъ-давно, когда-то, не знаю вслѣдствіе какихъ политическихъ или иныхъ обстоятельствъ, въ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ Средней Азіи, которые, кажется, совсѣмъ не обслѣдованы исторіей, оборвыши со всѣхъ трехъ, подвластныхъ намъ киргизскихъ ордъ: Большой, Средней и Малой, люди разныхъ поколѣній, отшатнулись отъ своихъ ауловъ въ эту мѣстность и, будучи оборвышами, слѣдовательно, не имѣя кибитокъ (юртъ), городили *куры* (дворы), созидали подобіе кибитокъ изъ камыша, котораго въ этой мѣстности вообще много, или рыли землянки... Потомъ, время, вырабатывая въ неизмѣнномъ теченіи своемъ лучшія начала жизни этихъ оборванцевъ, указало имъ все то, что могла дать природа этой мѣстности, въ томъ числѣ указала имъ и долину рѣки *Ангрена*. Сарты окрестныхъ осѣдлыхъ пунктовъ: Ташкента, Тилляу, Ходжента и горные таджики повліяли на нихъ внѣшней обстановкой; и условія, обстановка быта измѣнились; кураминцы надѣли чалмы, начали строить *кышлыки*-зимовки и современемъ постепенно превратились почти въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, доставляющихъ на базары Ташкента, Тилляу, Кереучей и Ходжента: рисъ, клеверъ (люцерна), топливо (камышъ) и прочее. Частью кураминцы все-таки остались вѣрными своему прошлому и своимъ курáмъ, и, заглядывая мимоходомъ въ юрты изъ камыша, я видѣлъ въ нихъ крайнее убожество, почти нищету, хотя у стѣнъ юрты и стоговъ рисовой соломы виднѣлись коровы, лошаденки и верблюды. Словомъ, кураминцы не похожи на сартовъ, не похожи и на прочихъ киргизовъ, не смотря на то, что далекое прошлое ихъ весьма тѣсно связано съ тѣмъ народомъ, который мы зовемъ собственно *киргизами*-кочевниками: это объясняется и подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что кураминцы, называя себя кураминцами (дворниками), все-таки причисляютъ себя къ тому или другому роду которой либо изъ названныхъ выше трехъ ордъ и, благодаря преданіямъ, не сбиваются въ своей генеалогіи.

Другой примѣръ подобнаго отщепенства представляютъ собою *каракиргизы* или, по нашимъ старымъ географіямъ, *закамененные* и *дикокаменные*; но о нихъ я постараюсь сказать кое-что послѣ, въ моихъ дорожныхъ замѣткахъ по долинѣ рѣки Чу.

Изъ Той-тепе миссія должна была слѣдовать на укр. *Тилляу*, куда мы и отправились 20-го декабря. До Тилляу туземцы считаютъ семь ташей, или 56 верстъ. Вся эта мѣстность холмиста; горы, а именно кряжъ *Кендиръ-диванъ*, идутъ далеко влѣво дугою, съ сѣвера на югъ, чернѣя ущельями. Черезъ одно изъ нихъ идетъ рѣка *Ангренъ* (*), золотое дно Курамы, потому что долина этой рѣки почти вся занята рисовыми плантаціями и съ холмовъ праваго берега рѣки, на который мы выѣхали, чтобы потомъ спуститься въ долину, она представилась и направо, и налѣво до послѣднихъ предѣловъ кругозора, вся сплошь въ плантаціяхъ разныхъ формъ и величинъ. Мѣстами онѣ были затоплены—что составляетъ необходимое условіе подготовки земли подъ рисъ. Видъ открылся хорошій. Мы спустились въ долину и скоро достигли *Тилляу*. Въ селеніи этомъ 150 дворовъ. Русская крѣпость, въ сущности оборонительная казарма, обнесенная частію рвомъ и валомъ, находится въ сторонѣ, впрочемъ, недалеко. Тилляу—крѣпость 3-го класса. При коканцахъ тутъ была *урда*, т. е. цитадель, гдѣ жили беки.

Лѣсу въ этихъ мѣстахъ вообще немного. Онъ, какъ и всюду въ Средней Азіи, присущъ лишь пунктамъ осѣдлымъ; а потому и около русскаго укрѣпленія, построеннаго на мѣстѣ коканскаго, не вдалекѣ имѣются остатки роскошнаго нѣкогда, по разсказамъ туземцевъ, сада одного изъ тилляускихъ бековъ.

Тилляу—пунктъ пограничный съ коканскимъ ханствомъ. Съ Тилляу горы вступаютъ въ свои права, и вьюки мои, сваливаясь по временамъ, начали чаще обращать на себя вниманіе; стало холоднѣе. Мы подходили къ кряжу *Кендиръ-диванъ*, покрытому снѣгомъ. Впереди было ущелье *Казангбузаръ*. До него отъ Тилляу, будто бы, 10, 12 верстъ; тутъ начинается подъемъ на кряжъ Кендиръ-диванъ и тутъ же проходитъ, будто бы, наша граница съ ханствомъ. Кто и когда ее проводилъ—покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Впрочемъ, неопредѣленность границъ можно назвать общимъ свойствомъ нашихъ среднеазіятскихъ владѣній.

Кряжъ Кендиръ-диванъ составляетъ продолженіе того отрога горъ *Каратау*, который проходитъ въ виду Ташкента. Снѣгъ на этихъ горахъ бываетъ только зимою; а съ осени, впрочемъ иногда и по зимѣ, на нихъ стоитъ гололедица и дороги,—если только можно назвать дорогами узкія тропинки, мѣстами надъ страшными обрывами,—бываютъ весьма опасны. На наше счастье хребетъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ. Подъемъ начался съ ущелья Казангбузаръ, весьма узкаго, въ гору, съ отвѣсными гранитными боками. Казангбузаръ—по переводу значитъ—*котлы разобьетъ*—намекъ, какъ я слышалъ отъ туземцевъ, на то, что если бы пошелъ по ущелью верблюдъ, навьюченный чугунными котлами, то, качаясь, разбилъ бы ихъ гдѣ нибудь о гранитныя стѣны этого корридора, чему, правда, не мало помогъ бы и ручей, прикрытый мѣстами крошечными, плохими мостиками, съ продавленой настилкой. Мнѣ досталось въ этомъ ущельѣ съ моими вьюками... За Казангбузаромъ дорога пошла въ гору все выше и выше, по глубокому снѣгу, подошла къ подножію громаднаго снѣжнаго конуса и, цѣпляясь за его бока зигзагомъ то вправо, то влѣво, вышла на вершину. Это гора *Кендиръ-диванъ*. Нѣкоторые члены миссіи были уже на ея вершинѣ и, расположившись на снѣгу, подкрѣплялись закуской. Тутъ же расположился небольшой конный караванъ, ожидавшій, когда нашъ транспортъ уступитъ ему тропинку для спуска. И онъ пошелъ потомъ съ горы, и всѣ видѣли, какъ лошади были увлекаемы вьюками впередъ, ныряли въ снѣгъ по плечи, поднимались, вздымая бѣлую пыль, и шли далѣе...

Съ Кендиръ-дивана открывается изрядный видъ на горы и частію на долину Ангрена. Зоркіе люди говорили, что видятъ даже Тилляу, по синѣющему лѣсу, но я не видѣлъ ничего, кромѣ тумана надъ долиной Ангрена, красноватыхъ вершинъ, пройденныхъ нами предгорій и снѣга, казалось безконечнаго снѣга горъ, сливавшагося на востокѣ съ твердью и тучами, плывшими тамъ и сямъ ниже насъ или вровень съ нами.

Скаты горъ и овраги мѣстами поросли рѣдкимъ, своеобразнымъ лѣсомъ; но я плохой ботаникъ; я знаю лишь, что туземцы (таджики) называютъ эти по большей части одиноко, хотя и не въ далекомъ одно отъ другаго разстояніи, стоящія деревья,—*арча*, что они плотны, крѣпки, весьма и весьма не скоро поддаются гніенію и что таджики употребляютъ ихъ на все въ своемъ домашнемъ обиходѣ.

Спускъ съ Кендиръ-дивана по снѣгу шелъ версты три. Дорога была шире и изъ снѣжной перешла снова въ каменистую; спуски и подъемы стали мельчать. Къ 4 часамъ мы достигли селенія *Мулламиръ*, до котораго отъ Тилляу считаютъ 7 ташей.

Мулламиръ—таджикское селеніе въ 30 дворовъ, расположенное на обрывѣ, весьма бѣдное и живетъ кое-какъ земледѣліемъ, удобряя каменистую почву навозомъ.

Квартиры миссіи оказались весьма незамысловатыми. Напримѣръ, подъ транспортъ и лошадей былъ отведенъ огромный сарай, въ первомъ отдѣленіи котораго помѣстились казаки и джигиты, во второмъ лошади и въ третьемъ нѣкоторые члены миссіи. Начальникъ нашей миссіи и посланникъ (я забылъ упомянуть, что коканскій посланникъ *Сарымсакъ-Ходжа*, бывшій въ Ташкентѣ, сопровож-

---

(*) И недавно снова прибылъ въ Ташкентъ съ добрыми вѣстями.

(**) Таши мѣрили при Мадали-ханѣ, лѣтъ 35-40 тому назадъ, арканомъ. Слово *ташъ*—значитъ камень, и дѣйствительно, по дорогѣ, мѣстами, въ особенности между Ходжентомъ и Коканомъ, лежатъ матерые валуны, показывающіе будто бы разстояніе.

(***) Я уже объяснялъ, что *арыкъ*—ирригаціонная канава.

(****) Чирчикъ идетъ изъ горъ Каратау и впадаетъ въ Сыръ-Дарью.

(*) Рѣка *Ангренъ* идетъ въ Сыръ-Дарью. Впрочемъ, въ пору созрѣванія риса, она не доходитъ Дарьи, расходясь по своей долинѣ на плантаціи. Наибольшая ширина долины 8 верстъ.

далъ насъ до Кокана) имѣли особую болѣе приличную квартиру. Выходъ изъ нашего сарая былъ одинъ; печей и трубъ, кромѣ небольшихъ отверстій въ потолкѣ, не было и въ поминѣ и дымъ отъ костра, разложеннаго казаками и джигитами, а также и газъ отъ жаровни въ нашемъ помѣщеніи доставили намъ не мало удовольствія... Между тѣмъ было холодно. Но усталость взяла свое и я заснулъ.

На зарѣ, когда, навыючивъ на лошадей транспортъ, я грѣлся у костра, ко мнѣ подошолъ джигитъ бердыкуузъ и подалъ 6-ть кокановъ (двугривенныхъ).

— Коканскій посланникъ, сказалъ онъ, приказалъ мнѣ отдать вамъ эти деньги и просить васъ и команду вашу—не покупать ничего, а требовать все, что вамъ будетъ нужно, отъ него... Онъ очень сердится на того, кто продалъ вамъ вчера козленка... Онъ говорилъ, что вы гости хана... Это очень любезно, подумалъ я, и волей—неволей положилъ коканы въ карманъ.

Наканунѣ дѣйствительно я купилъ козленка, котораго мы съѣли съ казаками и джигитами. Я не знаю, какъ дошло это до посланника, только въ самомъ дѣлѣ съ Мулламира мы и кони наши поступили на иждивеніе хана. По я и не подозрѣвалъ подобной щекотливости гостепріимства его высокостепенства, хотя наканунѣ получилъ отъ казначея Сарымсака-Ходжи на команду мяса, а на лошадей клеверъ и ячмень, и Сарымсакъ-Ходжа, человѣкъ неглупый и добрый, провожая въ это утро мимо транспорта, дружелюбно попрекнулъ меня козленкомъ....

За Мулламиромъ въ оврагѣ *Кумбиль*, переложеномъ поперегъ невысокой стѣной изъ булыжника, стоитъ коканскій пикетъ: сакли и навѣсы. Въ отворенныя двери я увидѣлъ двѣ три чалмы; длинныя фитильныя ружья стояли рядомъ снаружи у стѣнъ сакли. Говорятъ, эти блюстители порядка сами первые обижаютъ подъ часъ проѣзжихъ, которымъ по этой дорогѣ никакъ нельзя миновать ихъ логовища. Въ этомъ же оврагѣ насъ встрѣтилъ коканскій объѣздъ въ 5, 6 человѣкъ и проводилъ до селенія *Бодархань*, находящагося въ 8-ми верстахъ. Въ Бодарханѣ 100 дворовъ; жители-таджики. Влѣво отъ Бодархана, въ 4-хъ верстахъ, между горъ, стоитъ городокъ *Панеазъ*,—въ 1,000 дворовъ; за Бодарханомъ въ 1-й верстѣ на пути нашемъ попадается кышлыкъ (зимовка) *Кужу*, въ 100 дворовъ; за тѣмъ городокъ *Шайданъ*, въ 500 дворовъ. Здѣсь штабъ-квартира тѣхъ 500 конныхъ сарбазовъ, которые разбросаны въ этой мѣстности по селеніямъ и пикетамъ. Проѣзжая по улицамъ Шайдана, мы увидѣли въ одномъ мѣстѣ человѣкъ 10 конныхъ сарбазовъ, стоявшихъ неподвижно, рядомъ, съ ружьями въ рукахъ... Я доселѣ не знаю, что это означало? Въ Шайданѣ есть базаръ.

Влѣво отъ Шайдана въ горахъ-же, на 16-ть верстъ разстоянія, лежитъ селеніе *Курумсаранъ*, въ 300 дворовъ; въ 4-хъ верстахъ кышлыкъ *Кудашъ*, въ 40 дворовъ, и въ 12-ти верстахъ городокъ *Ашъ*, въ 1,000 дворовъ; вправо къ Дарьѣ, въ 16-ти верстахъ, находится укрѣпленіе *Камышъ-курганъ*, въ 8-ми верстахъ отъ котораго лежитъ извѣстный *Соръ-куль*—солончакъ, снабжающій солью и ханство, и сосѣдей кругомъ на далекое разстояніе. Собственно солянаго самосадочнаго озера съ растворомъ, или *тузлукомъ*, близъ Камышъ-кургана, говорятъ, нѣтъ; соль выкристаллизовывается и промывается изъ солончака (сорь), вслѣдствіе чего и обладаетъ должными качествами,—она желта и горьковата.

Всѣ названные мною выше городки, селенія и кышлыки имѣютъ одну общую кличку—*Иты-кентъ*—семь городовъ.

Отъ Шайдана мы шли каменистыми горами еще 8 верстъ, и вышли потомъ на ровную каменистую необозримую направо и налѣво степь. Рѣка Сыръ-Дарья едва бѣлѣла впереди. До нея оставалось 12 верстъ.—Растительности на пути нашемъ не было почти никакой, только одинокое дерево, помню, стояло влѣво отъ дороги. Кажется, это было тоже *арча*.

По мѣрѣ приближенія къ Дарьѣ, каменникъ началъ сглаживаться, такъ что къ *кургану* (*) на берегу рѣки, гдѣ находится переправа, мы поѣхали уже по песку. Мѣстность эта зовется *Чильмахрамъ*, по имени могилы мусульманскаго святаго, находящейся на противоположномъ берегу на высокомъ-высокомъ, цилиндрическомъ, въ родѣ башни, песчано-глинистомъ курганѣ....

Опять *курганъ*... Но здѣсь слово это употреблено мною уже совершенно въ иномъ смыслѣ: на востокъ степной полосы Европейской Россіи и на Кавказѣ *курганомъ* зовется *холмъ*, или малороссійская *могила*, киргизское—*тюбе* и сартовское—*тепе*. Впрочемъ, слово *курганъ* въ смыслѣ возвышенности встрѣчаете и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ оно является слѣдомъ монгольскаго ига, также какъ и слова: *тазъ* (чистый), *башмонъ* (давить), *деньги* (тенге), *алтынъ* (золото), и т. п., не исключая и многихъ именъ городовъ, рѣчекъ и проч.

Курганъ, въ которомъ помѣстилась миссія для ночлега, съ двухъ сторонъ былъ обстроенъ саклями и съ двухъ навѣсами. Первыя заняла миссія, вторые—лошади. Сакли дырявы и весьма грязны; навѣсы сравнительно лучше саклей.

(*) *Курганъ* значитъ крѣпость, а также дворъ, обнесенный глиняной стѣной, съ навѣсами и безъ навѣсовъ вокругъ, съ саклями, или безъ нихъ. Подобныхъ *кургановъ* весьма много по всѣмъ дорогамъ Средней Азіи и даже въ горахъ. Въ курганахъ укрываются ночью путники и караваны, въ курганахъ сохраняютъ скотъ, въ курганахъ въ былое время защищались отъ непріятеля, что, впрочемъ, чаще бывало въ горахъ у каракиргизовъ, когда шелъ родъ на родъ барантой. Другой видъ построекъ по дорогамъ Средней Азіи—*рабатъ*—(постоялый дворъ) имѣетъ исключительное назначеніе быть пристанищемъ запоздавшимъ въ ночи путникамъ. *Рабаты* строились или правительствомъ, или частными лицами по обѣщанію и носятъ имя послѣднихъ. Напримѣръ, первая станція отъ Чемкента къ Ташкенту называется *Беглербеги*, потому что ташкентскій правитель Беглербеги построилъ тутъ, по обѣщанію, *рабатъ*, въ которомъ теперь помѣщается казачій пикетъ и станція.

Я разъвьючивалъ транспортъ, когда на дворъ въѣхала толпа сартовъ. Это былъ бекъ Маназаръ со свитою, прѣхавшій изъ Кокана привѣтствовать миссію и привезшій *дастарханъ*, т. е. хлѣбъ-соль отъ хана. И въ самомъ дѣлѣ, когда, сложивъ вьюки и поставивъ часового, я пошелъ въ саклю начальника миссіи и расположился тамъ около закуски, въ дверь показалось лицо Сарымсака-Ходжи и послышалось слово: *дастарханъ!..* Начальникъ миссіи всталъ и вышелъ изъ сакли принять дастарханъ; я остался въ саклѣ и сквозь двери слышалъ, какъ онъ благодарилъ хана за дастарханъ; потомъ онъ вошелъ въ саклю и слѣдомъ за нимъ, гуськомъ, начали входить слуги бека Маназара и Сарымсака-Ходжи съ подносами, наложенными: *фисташками*, *гранатами*, *миндалемъ*, *урюкомъ*, *кишмишемъ разныхъ сортовъ*, *виноградомъ*, *леденцомъ*, *сартовскими конфектами изъ муки*, *сахара и масла*, *хлѣбомъ въ видѣ лепешекъ сдобныхъ и пресныхъ*, *колотымъ сахаромъ и сахаромъ въ головахъ*. Я не ѣдалъ пока среднеазіатскихъ фруктовъ лучше присланныхъ ханомъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и за все время пребыванія миссіи за границей...

Подносы разставили на полу передъ посланникомъ и миссія занялась дастарханомъ...

— «Ваше благородіе», сказалъ вошедшій въ саклю казакъ, «васъ требуетъ ханскій посланникъ». Я вышелъ вслѣдъ за казакомъ и близъ двери встрѣтилъ Сарымсака-Ходжу; за нимъ стояли слуги съ подносами.—«Это твоихъ сарбазамъ (т. е. казакамъ) и джигитамъ» (т. е. милиціонерамъ), сказалъ Сарымсакъ-Ходжа, указавъ но подносы. «Прикажи принять...»—Пусть будетъ доволенъ ханомъ Богъ и пошлетъ ему великое счастіе, отвѣтилъ я и кликнулъ вахмистра. Казаки и джигиты благодарили за дастарханъ въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Сарымсакъ и свита его были очень довольны... За неимѣніемъ посуды, казаки ссыпали лакомства безразлично въ овсяныя торбы и частію въ глиняный *ахуръ* (ясли) подъ навѣсомъ и прозвали складъ свой *лавочкой*.

Вечеромъ члены миссіи были приглашены въ саклю Сарымсака-Ходжи, гдѣ пили чай и получили *серпой*, т. е. почетную одежду, разумѣется, въ видѣ халатовъ, до безконечности любимыхъ азіатцами вообще и сартами въ особенности. Халаты, данные намъ въ этотъ разъ, были изъ полушелковой матеріи—*адрѣсъ*, и, возвращаясь изъ сакли коканскаго посланника, я слышалъ отъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу мусульманъ поздравленія пожеланія и счастія въ новой почетной одеждѣ...

На этомъ ночлегѣ конямъ нашимъ вмѣсто ячменя отпустили *джугары*, нѣчто въ родѣ кукурузы. Лошади ѣли *джугары* плохо, потому будто-бы, по словамъ однихъ, что не привыкли къ этому роду хлѣба, а по словамъ другихъ потому, что въ джугары было много песку и мелкихъ голышей (по казачьи-галекъ), которые, играя на зубу, конечно, отталкивали животныхъ отъ джугары. Впрочемъ, каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свою долю правды...

Въ Чильмахрамѣ транспортъ былъ сложенъ на 4 двухъ-колесныя арбы, нанятыя заранѣе съ лѣваго берега Дарьи. Не разгружая, ихъ поставили на какое-то подобіе нашихъ досчаниковъ и на шестахъ переправили въ два раза на противоположный берегъ. На счастье, рѣка была неподвижна, хотя на зарѣ я былъ разбуженъ сильнымъ шумомъ вѣтра, и зная удобства переправы, я задалъ себѣ вопросъ о возможности быть въ этотъ день на другомъ берегу Дарьи. Вообще переправа у Чильмахрама неудобна; нагрузка и выгрузка весьма затруднительны по отсутствію сходней, особенно на томъ берегу рѣки, гдѣ лошади, побуждаемыя нагайками, волей-неволей должны были прыгать за бортъ досчаниковъ въ воду по колѣно, потому что къ самому берегу досчаники не подходятъ. Тѣмъ не менѣе все кончилось благополучно: ноги животныхъ остались цѣлы.

Начальникъ миссіи изъявилъ было желаніе нагradить паромщиковъ за труды, но Сарымсакъ-Ходжа отвѣтилъ на это отказомъ, потому что *люди и лодки принадлежатъ хану*... Стороною я слышалъ, что за переправу у Чильмахрама ханъ получаетъ съ контрагента 1,000 тилей, т. е. 3,800 руб. въ годъ.

Проѣхавъ версту отъ парома, мы встрѣтили *дiуанà* (юродиваго). Онъ живетъ и зиму и лѣто на курганѣ въ памятникѣ надъ могилой святаго, живетъ подаяніемъ проѣзжихъ. Впрочемъ, денегъ онъ не беретъ, и весьма разумно: на нихъ тутъ ничего не купишь, а беретъ лишь хлѣбомъ... Глупой и жалкой наружностью своею, онъ невольно привлекъ на себя вниманіе; мы хотѣли дать ему денегъ; но кто-то сказалъ, что это лишнее... Діуана глупо хохоталъ. Я проѣхалъ своей дорогой далѣе и случайно повернувшись на сѣдлѣ на новый взрывъ хохота сумасшедшаго, замѣтилъ, что коканскій посланникъ, ѣхавшій передъ этимъ впереди, стоитъ около діуана и, нагнувшись съ сѣдла на правую сторону, что-то съ нимъ говоритъ... Діуана уже не смѣялся...

Я въ раздумьѣ до сихъ поръ, какъ Сарымсакъ-Ходжа успѣлъ отстать и что онъ говорилъ съ юродивымъ? Жилище діуана высилось влѣво отъ насъ въ полверстѣ. Дорога пошла частію по песку, частію по суглинку. На пути попадались горы песку, кочующаго въ этой мѣстности туда и сюда по волѣ вѣтровъ. Не представляя собою особенно страшнаго явленія, эти тучи песку все-таки серьезны на столько, что мѣстность на сѣверъ отъ могилы Чильмахрамъ и на югъ до кышлыка *Улукъ-диканъ-туда* подвержена разнымъ случайностямъ отъ летучаго песку: онъ съ помощію вѣтровъ, замѣчательныхъ въ этой мѣстности по ихъ силѣ, испытанной нами на себѣ, заваѣваетъ арыки, плантаціи и даже выгоняетъ населеніе изъ кышлыковъ. По словамъ туземцевъ, кышлыки Улугъ-диканъ-туда и сосѣдній Кичикъ-диканъ-туда лѣтъ пять тому назадъ составляли одинъ кышлыкъ, разбитый на два песчанымъ ураганомъ, который постоянными напоромъ на извѣстный околодокъ саклей выгналъ ихъ обитателей и кышлыкъ разбился на два: *большой* и *малый диканъ-туда*. Площадь урагана можно приблизительно опредѣлить въ 200 квадратныхъ верстъ.

Отъ переправы до слѣдующаго ночлега нашего кышлака *Байбута* считаютъ 4 таша (32 версты). Транспортъ былъ на арбахъ, и на мою долю выпала колесная дорога степью. Прямо въ лицо дулъ сильный, холодный вѣтеръ, такъ что даже лошади воротили порою морды на сторону; арбы шли тихо. Миновавъ кышлыки Диканъ-Туда, мы вышли на голую, каменистую, высокую степь и шли окраиной ея верстъ 10. Вправо, т. е. на западѣ, въ виду нашемъ на всемъ протяженіи степи къ ней прижались кышлы-

ки, плантація и множество лѣсу. Воображаю, какой оригинальный и пріятный контрастъ представляетъ эта мѣстность лѣтомъ, въ зной, когда по степи нельзя пройти босому человѣку, а рядомъ въ тѣни садовъ журчатъ арыки... Мы встрѣтили на каменной дорогѣ нѣсколько тощихъ, надобно думать заблудившихся коровъ и телятъ, которые *пли*, буквально—*пли* цѣликомъ, *конскій полетъ*. Говорятъ, что зимой и осенью тутъ вообще голодно; а кормить скотъ клеверомъ или даже соломой, средствъ, конечно, достаетъ не у всѣхъ. Это ясно и по наружности кышлыковъ, обстроенныхъ по большей части бѣдно, уныло. Развѣ только лѣтомъ, когда полуденное солнце вызоветъ зелень на деревья и плантація и когда печальное населеніе, бросивъ закоптѣлыя, дымныя сакли, выйдетъ въ поле добывать хлѣбъ свой въ потѣ лица,—кышлыки можно назвать красивыми уголками... Впрочемъ, только *красивыми*... Народъ во всемъ ханствѣ угнетенъ; право собственности существуетъ для него номинально; произволъ администраціи отъ послѣдняго аксакала до бека не имѣетъ границъ; правительство слабо и неразвито... Но... ѣдемъ далѣе.

Я не могу назвать поименно тѣ кышлыки, черезъ которые мы прошли въ этотъ день, и достигли ночлега—кышлыка *Байбута*. Онъ населеннѣе и богаче другихъ. Миссію помѣстили въ домѣ одного изъ зажиточныхъ обывателей; на томъ же дворѣ остановился и коканскій посланникъ Сарымсакъ-Ходжа.

По обязанности, я наблюдалъ за командой, разгружавшей арбы, когда услышалъ свое имя... я оглянулся и увидѣлъ Сарымсака-Ходжу; онъ стоялъ у дверей своего помѣщенія и манилъ меня къ себѣ.

— Что прикажете? спросилъ я, подходя и ничего не подозрѣвая... Сарымсакъ быстро и молча, хотя и съ доброй улыбкой, сорвалъ съ меня лѣвой рукой фуражку, правой изъ-за борта халата, по простоту изъ-за пазухи, вытащилъ шитую шелкомъ канаусовую *тюпе* (мурмолку) и началъ напяливать ее на мою голову, не взирая на нѣкоторыя неудобства этой операціи: тюпе была тѣсна и волосы мои страдали... Сарымсакъ Ходжа продолжалъ добродушно улыбаться и, убѣдившись, что тюпе вполнѣ обхватила, такъ сказать, мою голову, объявилъ мнѣ, что ханъ прислалъ тюпе всѣмъ членамъ миссіи и желаетъ, чтобы мы носили тюпе... Я въ тѣхъ же высокопарныхъ выраженіяхъ благодарилъ его высокостепенство за подарокъ, едва стащилъ его съ головы и положилъ почтеннѣйшему Сарымсаку Ходжѣ, что въ данную минуту щеголять въ тюпе я не могу, потому что занятъ моими обязанностями, но что не премину воспользоваться этимъ прекраснымъ головнымъ уборомъ при первомъ удобномъ случаѣ, какъ пользовался-де и сегодня въ пути въ непогоду почетнымъ халатомъ хана... Затѣмъ я спряталъ шлыкъ въ карманъ.

Я нашелъ членовъ миссіи въ ихъ помѣщеніи съ тюпомъ на головахъ и въ халатахъ; на полу стоялъ обильный дастарханъ...

На утро, 24-го декабря, мы отправились непосредственно въ г. Коканъ, до котораго отъ Байбута всего 8 верстъ. Вѣтеръ бушевалъ съ прежнею силою; дорога шла частію солончаками, частію черезъ арыки, выступившіе изъ береговъ и разлившіеся кругомъ...

Въ одномъ изъ попутныхъ кышлыковъ аксакалъ остановилъ транспортъ, пригласилъ меня въ саклю, любезно усадилъ у огня и напоилъ чаемъ... Я не мало дивился и радовался этому дружелюбію, тѣмъ болѣе, что насъ почти на каждомъ шагу народъ бранилъ въ глаза и за глаза въ самыхъ непечатныхъ выраженіяхъ... Въ этой-же саклѣ бѣдно-одѣтый, но скромный и благообразный сартъ, бросилъ на огонь, гогорѣвшій передо-мною, горсть какой-то душистой травы... Я зналъ этотъ обычай мусульманъ, выражающій привѣтствіе путешественнику отъ человѣка небольшаго, темнаго... Я далъ бѣднику нѣсколько кокановъ, и поспѣшилъ догнать транспортъ, подходившій уже къ кышлыку *Наймачи*, въ 3 верстахъ отъ города. Тутъ я нашелъ членовъ миссіи. Они сидѣли у огня въ дымной саклѣ и ждали Сарымсака-Ходжу, который уѣхалъ впередъ *за разрѣшеніемъ* его высокостепенства хана—*въѣхать миссіи въ городъ*... Неизбѣжный дастарханъ покрывалъ полъ сакли...

Сарымсакъ-Ходжа вернулся черезъ часъ. Съ нимъ пріѣхалъ нѣкто *Сарымсакъ-датха*, ханъ выслалъ его привѣтствовать миссію; потомъ онъ былъ нашимъ приставомъ. Въ кышлыкѣ наймачи всего дворовъ 100; мы миновали его скоро; передъ нами открылась голая равнина версты на полторы и мы увидѣли ворота *Газаелыхъ* или Чильмахрамъ и стѣны Кокана...

Александръ Хорошхинъ.

ГОРОДСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Тезоименитство короля эллиновъ. Въ *Courrier Russe* пишутъ: Богослуженіе, совершавшееся по случаю тезоименитства е. в. короля эллиновъ, произошло 23-го апрѣля съ большою торжественностію. Прекрасная греческая церковь на Пескахъ, выстроенная на пожертвованія г. Бенардаки, была полна народа, большею частью изъ греческой колоніи въ Петербургѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ находилось много высшихъ дипломатовъ и другихъ значительныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу Греціи. Рядомъ съ уполномоченнымъ короля эллиновъ, графомъ Метаксою, котораго сопровождали всѣ члены греческаго посольства, стояли князь Горчаковъ, его товарищъ г. Вестманъ, директоръ азіятскаго департамента Стремоуховъ и вице-директоръ Энгельгардтъ, состоящій при особѣ вице-канцлера г. Катакази, греческій генеральный консулъ г. Кондояннаки, г. Константудаки, г. Дмитрій Бенардаки и множество другихъ лицъ. Впереди всѣхъ, рядомъ съ греческимъ посланникомъ, стоялъ штальмейстеръ двора Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, тайный совѣтникъ Бибиковъ, представлявшій Его Императорское Высочество на этой церемоніи.

Открытіе школы «Комисарова-Костромского» (*Бирж. Вѣд.*). 28-го сего апрѣля, въ часъ по-полудни, имѣетъ быть открытіе и освященіе состоящей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича безплатной для бѣдныхъ дѣтей школы «Комисарова-Костромского», учрежденной, съ Высочайшаго соизволенія, въ благодарность Богу за чудесное избавленіе Государя Императора отъ угрожавшей опасности 4-го апрѣля 1866 года.

Городскія происшествія. 23-го апрѣля Казанской части, по набережной Екатерининскаго канала, въ домѣ Лихачева, въ публичномъ заведеніи, послѣдовала скоропостижная смерть одного

СУББОТА

№ 161

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАВЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

15 ИЮНЯ / 27

1868

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: въ *С. Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, годъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго коммиссіонера *Русскаго Инвалида, Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка, на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклямы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ГОДЪ

55-й.

яли изъ пистолетовъ и грешко поносили, въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, вождей радикальной партіи; возбужденная чернь яростно нападала на несчастныхъ негровъ, попадавшихся ей на улицахъ, и порядкомъ избила ихъ. На другой день стало извѣстнымъ, что большинство нѣсколькихъ голосовъ оказалось на сторонѣ республиканскаго кандидата въ городскіе мэры; сторонники его рѣшились отмстить тогда консерваторамъ, и городъ сталъ опять театромъ новыхъ безчинствъ. Произошла свалка между неграми, поддержанными бѣлыми республиканцами, и бывшими конфедеративными солдатами, возглашавшими: «да здравствуетъ Джефферсонъ-Дэвисъ, да здравствуетъ Джонсонъ»; въ этой свалкѣ одинъ негръ былъ убитъ и одинъ бѣлый опасно раненъ.

«Однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій вашингтонскаго мэра, срокъ службы котораго приходитъ къ концу, было торжественное возстановленіе чести и репутаціи вашингтонскихъ дамъ. По городу ходилъ съ нѣкотораго времени слухъ, будто дамы избраннаго общества столицы собирались по ночамъ въ двухъ богато обставленныхъ залахъ и предавались тамъ самой азартной игрѣ. Мэръ Уаллахъ оффиціально заявилъ, что, по наведеннымъ имъ самымъ тщательнымъ и достовѣрнымъ справкамъ, пущенный по городу слухъ оказывается чистѣйшею клеветою; такимъ образомъ, репутація вашингтонскихъ дамъ была возстановлена въ прежнемъ блескѣ.»

Заявленіе князя А. Карагеоргіевича сообщено было въ пештскую газету *Ллойдъ* изъ Бокшога Павломъ Тришковичемъ, секретаремъ князя. Заявленіе это, за подписью князя А. Карагеоргіевича, гласитъ: «Со времени совершеннаго въ Топшидере убійства, въ газетахъ постоянно помѣщаются извѣстія о томъ, будто я самъ и члены моей фамиліи замѣшаны въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Считаю несовмѣстнымъ съ моимъ достоинствомъ опровергать подобныя безсовѣстныя обвиненія; но, питая уваженіе къ общественному мнѣнію, которое хотятъ, очевидно, ввести въ заблужденіе, я считаю своею обязанностью оградить себя и членовъ моего семейства отъ недостойныхъ нареканій, распускаемыхъ на мой счетъ и членовъ моей фамиліи, толпою наемниковъ, имѣющихъ цѣлью компрометировать меня и моихъ родныхъ въ глазахъ Сербіи и всей цивилизованной Европы. Будучи увѣренъ, что неподкупное общественное мнѣніе осудитъ вышеупомянутыхъ клеветниковъ, заявляю, что вынужденъ буду обратиться къ защитѣ закона для пресѣченія легкомысленнаго распространенія вышеупомянутыхъ нареканій.»

Народонаселеніе Сандвичевыхъ острововъ выказываетъ, по словамъ *New-Iork Daily Tribune*, готовность присоединиться къ сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Говорятъ, будто американскій пароходъ «Lakwanna», стоявшій на рейдѣ въ Гонолулу, долженъ былъ отплыть оттуда, потому что король Сандвичевыхъ острововъ заявилъ, что присутствіе американскаго парохода имѣетъ смыслъ и значеніе угрозы. Нью-іоркскія газеты надѣются, что вышеупомянутый слухъ ложенъ и, во всякомъ случаѣ, преувеличенъ, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчитъ смыслу условій трактата, заключеннаго въ недавнее время между Соединенными сѣверо-американскими Штатами и правительствомъ Сандвичевыхъ острововъ.

Воздухоплавательная выставка въ Лондонѣ. Въ Сидейгамскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ, должна открыться 25-го іюня чрезвычайно интересная выставка всѣхъ системъ, всѣхъ снарядовъ и проектовъ, относящихся къ воздухоплаванію; 20-е іюня назначено было послѣднимъ срокомъ для принятія предметовъ, отправленныхъ на выставку, но для французскихъ экспонентовъ срокъ этотъ продолженъ до 23-го числа. Выставка продлится всего 9 дней, подъ надзоромъ лондонскаго воздухоплавательнаго Общества.

САМАРКАНДЪ

(Разсказъ очевидца).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, 2-го (14-го) сентября 1841 года, съ небольшой возвышенности, перерѣзающей дорогу изъ Бухары въ Самаркандъ, я, истомленный жаромъ и покрытый пылью, впервые увидѣлъ знаменитую столицу Тимуръ-ленга, «*желѣзнаго хромца*», по оригинальному переводу нашихъ лѣтописцевъ. Обширныя развалины, окружающія теперешнія стѣны Самарканда, ясно говорили, что слава его прошла; тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отживающемъ видѣ, городъ, издали, довольно привлекателенъ. Нѣсколько куполовъ, крытыхъ лазоревыми изразцами, нѣсколько легкихъ и высокихъ минаретовъ и яркая зелень его садовъ, рѣзко обозначавшихся на безоблачной синевѣ неба, тишина, царствовавшая вокругъ насъ,—все придавало этой картинѣ какую-то торжественную красоту. Признаюсь, что внутреннему довольству, возбужденному во мнѣ этимъ видомъ, не мало содѣйствовало и воспоминаніе, что съ 8-го сентября 1404 г., дня въѣзда въ Самаркандъ Гонзалеса Клавихо, посланника Генриха III Кастильскаго, ни одинъ европеецъ не посѣщалъ еще этой знаменитой мѣстности (*). Но всѣ эти историческія и эстетическія впечатлѣнія очевидно дѣйствовали иначе на души моихъ бухарскихъ спутниковъ: Измаилъ-Бека-Чури-Агасы, Мирзы-Ибрагима, его родственника, и секретаря и вѣрнаго служителя моего Курбанъ-Вая, вольноотпущенника одного богатаго бухарскаго купца, въ домѣ котораго онъ родился отъ персидской невольницы. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ городу, они все удивленнѣе и удивленнѣе пересматривались и переговаривались и, наконецъ, Измаилъ-Бекъ, отряхнувъ отъ пыли свою окладистую черную бороду, излилъ потокъ проклятій на невнимательность самаркандскаго начальства, невысылавшаго никакого *пишвазъ*, или встрѣчи, такимъ дорогимъ гостямъ, какъ мы. Я старался его успокоить, говоря, что мы выѣхали очень рано съ послѣдняго ночлега, что насъ еще не ожидаютъ въ городѣ и т. под., но все это его мало успокоивало, и онъ, не хотя, принялъ мое предложеніе остановиться на берегу перваго городскаго протока, съ тѣмъ, чтобы послать впередъ Мирзу-Ибрагима за языкомъ. Черезъ часъ Мирза-Ибрагимъ вернулся съ какимъ-то маленькимъ чернобородымъ человѣчкомъ съ заспанными глазами, который отрекомендовался мнѣ, какъ *дефтарьдаръ*, или архиваріусъ, самаркандскаго губернатора Ибрагимъ-Додхи; извинилъ своего начальника недоразумѣніемъ, происшедшимъ отъ неизвѣстнаго часа нашего въѣзда, и пригласилъ насъ въ свой домъ въ цитадели, въ двухъ шагахъ отъ дворца. Домъ этого почтеннаго сановника былъ очень не великъ. Часть, на-скоро отведенная мнѣ, состояла изъ небольшаго дворика, на который отворялись три окна и дверь *михманъ-хане*, или гостинной съ переднею, и половина коего занята была запыленными кустами *гулимарьямъ*, а другая—гладко вымощеннымъ возвышеніемъ, называемымъ *супа*. Не вытряхнутые ковры моихъ двухъ комнатъ и мрачный видъ ихъ заставили меня предпочесть имъ дворъ, на которомъ я велѣлъ разбить палатку, отпущенную со мною эмиромъ, поставить свою походную кровать и складной столъ, и расположился на этомъ бивуакѣ, ожидая дальнѣйшихъ похожденій.

Всѣ эти остановки и устройства взяли у насъ довольно много времени, такъ что я вошелъ въ свою палатку не ранѣе полудня, и мнѣ немедленно принесли огромное блюдо *себзи пёлоу*, или плова съ марковью, и маленькую горку отличнѣйшихъ самаркандскихъ персиковъ, рѣшительно первыхъ въ мірѣ по вкусу, хотя Самаркандъ собственно славится своими яблоками, какъ это знаютъ всѣ, читавшіе автобіографію султана Бабера.

Послѣ этого завтрака, хозяинъ мой, Измаилъ-Бекъ, его секретарь и я собрались на совѣтъ, когда нести подарки, съ которыми я пріѣхалъ, будто отъ оренбургскаго военнаго губернатора, къ Ибрагиму-Додхѣ? Положено было дождаться его просыпа послѣ полудневнаго отдыха, съ тѣмъ, чтобы тогда *дефтарьдаръ* и *чури-агасы* устроили наше свиданіе. Дѣйствительно, часа въ три мнѣ сказали, что Додхи прислалъ за мною лошадей съ феррашами; подарки были положены на два блюда, покрытыя кисеей, и вручены уральскому казаку Мордовину и Курбану, и мы двинулись въ путь, продолжавшійся очень не долго, потому что часть дворца, гдѣ жилъ губернаторъ, была дѣйствительно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ моимъ жильемъ.

Подъ темными и глубокими воротами дворца, въ два ряда, стояли сипаи въ халатахъ, въ остроконечныхъ суконныхъ шапкахъ, отороченныхъ мерлушкою, и съ разнаго рода оружіемъ, какъ бы вынутымъ на этотъ случай изъ какого-нибудь средневѣковаго арсенала. Тутъ были и ружья съ фитилями, и бердыши, и булавы, и топорики, и даже луки и колчаны, набитые стрѣлами. Пройдя чрезъ одинъ или два двора, мы, по крытому ходу, тоже наполненному воинами, вошли на обширный дворъ съ хоузомъ и просторнымъ *айваномъ*, подпертымъ мелкими деревянными колонками. Ибрагимъ-Додхи еще не было, но едва успѣлъ я усѣсться на приготовленномъ мнѣ небольшомъ коврикѣ, *намазьгахъ*, какъ онъ явился, и я, не смотря на пантомиму чури-агасы, выражавшую ужасъ, свободно сѣлъ въ полушагѣ отъ губернатора. Этотъ поступокъ, считаемый моими спутниками чрезвычайно смѣлымъ съ моей стороны, сколько мнѣ показалось, былъ иначе оцѣненъ старымъ узбекомъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло. Онъ добродушно и по-татарски передалъ мнѣ рядъ обычныхъ вопросовъ и привѣтствій, начинающихся, какъ извѣстно, съ вопросовъ о здоровьи Императора и кончающихся любопытствомъ о сочности моего собственнаго мозга. Затѣмъ подарки были поставлены предъ Ибрагима-Додхой; я сказалъ ему, что оренбургскій военный губернаторъ поручилъ мнѣ передать ему эти бездѣлицы въ знакъ своей дружбы, за его вниманіе къ нашимъ подданнымъ, торгующимъ въ Самаркандѣ, на что онъ выразилъ свою благодарность. Потомъ принесли чай въ огромномъ чайникѣ и, разливъ его въ довольно объемистыя китайскія чашки, подали губернатору и мнѣ, спутники же мои стояли въ почтительномъ удаленіи и, конечно, не получили ничего. Послѣ чая я просилъ позволенія удалиться и вышелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и вошелъ.

Слѣдующій день, въ который, по нелѣпому бухарскому этикету, я долженъ былъ сидѣть дома, по утру пришла ко мнѣ депутація многочисленныхъ родственниковъ Измаилъ-Бека, мервазійцевъ, потомковъ тѣхъ жителей Мерви, которые были переселены сюда при шахѣ Мурадѣ и эмирѣ Хойдарѣ. Они принесли мнѣ въ подарокъ горы персиковъ, и получили въ обмѣнъ нѣсколько аршинъ сукна и нѣсколько *тенегъ*. Изъ разговора съ ними я убѣдился, что они тайные, но непримиримые враги бухарскаго правительства. Походъ Надиръ-Шаха и подчиненіе Бухары персидскому правительству у нихъ глубоко врѣзались въ память и они крѣпко вѣрятъ въ повтореніе подобнаго нашествія, въ которомъ они видятъ конецъ своего плѣна. Это заставляетъ меня думать, что, не смотря на то, что все настоящее поколѣніе ихъ родилось уже на бухарской землѣ, вѣроятно, многіе изъ нихъ потаенные шіиты, что должно увеличивать въ душѣ ихъ злобу къ томящимъ ихъ въ неволѣ суннитамъ. Отчасти мои посѣтители, отчасти же мой хозяинъ, могшій хорошо знать статистику Самаркандскаго округа, передали мнѣ, что здѣшній округъ, при настоящемъ губернаторѣ, состоитъ изъ 5-ти тумановъ, въ нихъ собирается, среднимъ числомъ, 70,000 батмановъ хлѣба разнаго наименованія, то-есть около 560,000 пудовъ зерна, 30% съ

(*) Думая это, я не зналъ, что уже 1-го (13-го) сентября гг. Леманъ и Богословскій были въ Самаркандѣ. Леманъ, пріѣхавшій ко мнѣ 3-го (15-го) въ цитадель, предлагалъ мнѣ, шутя, купить у него право первенства посѣщенія города, и, конечно, я не думалъ тогда, что скорая смерть этого замѣчательнаго и талантливаго молодаго ученаго и его спутника доставитъ мнѣ, безъ покупки, печальное преимущество быть первымъ, еще живымъ послѣ Клавихо, свидѣтелемъ отживанія Самарканда.

коихъ, или около 168,000 пудовъ, правительство беретъ себѣ въ видѣ *хираджа*. Съ каждаго *танапа*, равнаго ³/₈ нашей казенной десятины, правительство беретъ 18 тенгъ подати, и съ танапа, засѣяннаго луцерной, по 6-ти тенгъ. Этими сборами губернаторъ содержитъ себя, свою прислугу, чиновниковъ и 250 нукеровъ, составляющихъ обыкновенный гарнизонъ Самарканда, остатокъ же посылаетъ къ эмиру въ видѣ *пишькеша*, или подарка, ко дню Ноуруза, 9-го (21-го) марта. Въ 1841 г. онъ отправилъ такимъ образомъ въ Бухару, съ своимъ сыномъ, 150,000 тенгъ, составляющихъ на наши деньги 29,271 р. 42 к. с. Сюда не включенъ закятъ таможенный, отправляемый прямо въ Бухару къ закятчи-баши, помимо губернатора. Подать съ барановъ тоже составляетъ особую регалію и для сбора ея эмиръ весною посылаетъ особаго чиновника. О размѣрѣ этихъ двухъ послѣднихъ сборовъ я ничего не могъ узнать положительнаго, но закятъ врядъ ли даетъ большую сумму, такъ какъ онъ собирается только съ каравановъ, приходящихъ изъ Кокана и Бухары.

Достопримѣчательности Самарканда осмотрѣны были мною 4-го, 5-го и 7-го сентября. Онѣ немногочисленны; но прежде описанія ихъ я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о городѣ, съ котораго топографъ Яковлевъ, сопровождавшій гг. Лемана и Богословскаго, снялъ подробный планъ, сокращенную копію съ коего я приложилъ къ своему описанію бухарскаго ханства, изданному въ 1843 году.

Стѣна города была, въ бытность мою тамъ, въ довольно хорошемъ положеніи. Она расположена въ видѣ довольно правильнаго четыреугольника, или, правильнѣе, трапеціи, такъ какъ сѣверный фасъ ея шире другихъ. Наиболѣе неправильностей представляетъ она съ западной стороны, гдѣ цитадель выдалась довольно далеко впередъ. Стѣна эта во всемъ похожа на стѣну Бухары: та же высота и толщина, тѣ же бойницы и полукруглые выступы, называемые *бурджами*. Окружность этой стѣны составляетъ 13 верстъ и она охватываетъ площадь въ 2.280,000 квадратныхъ саженъ, равняющихся 2,533¹/₃ танапамъ. Такимъ образомъ, Самаркандъ обширнѣе Бухары на 500 танаповъ, но не смотря на то, жителей въ немъ гораздо менѣе, всего отъ 30 до 35 т., но за то садовъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Бухарѣ. Въ городской стѣнѣ пробито 6 воротъ, или *деруазе*. Въ западномъ фасѣ однѣ только ворота Бухарскія, *Деруазеи Бухара*, столько же и въ восточномъ *Д. Календаръ-хане*. Сѣверный и южный фасы имѣютъ по двое воротъ, первый *Д. Пайкобакъ* и *Д. Шахи-Зинде*, второй *Д. Сузангиранъ* и *Д. Ходжа-Ахраръ*. Эти послѣднія названы по имени святаго, похороненнаго близъ нихъ и весьма уважаемаго въ Самаркандѣ. Въ прежнія времена, либо пространство, занимаемое городомъ было обширнѣе теперешняго, либо городъ послѣ одного изъ своихъ многочисленныхъ разрушеній подвинулся къ юго-востоку, такъ какъ западная, а въ особенности сѣверная часть земель, прилегающихъ къ стѣнамъ города и называемая *Калаи Афрасіабъ*, богаче другихъ развалинами. Не надобно думать, однако, чтобы это перемѣщеніе города было ново; со времени Тимура, бывшая его столица не измѣнилась въ объемѣ. Одно только несомнѣнно, что въ цвѣтущія времена Самарканда обработанность его окрестностей была гораздо болѣе теперешней, и развалины садовъ, гдѣ, по приказанію Тимура, жены его угощали Клавихо, еще видны и доселѣ. Городъ снабжается водою тремя ручьями, выходящими изъ сѣверныхъ скатовъ горъ *Агалынъ-Тау*. Первый проникаетъ въ городъ нѣсколько восточнѣе воротъ *Ходжа-Ахраръ* и, обогнувъ восточную и сѣверную стѣны цитадели Самарканда, выходитъ въ поля и пашни, расположенныя къ сѣверу отъ бухарской дороги. Второй протокъ, входя въ городъ около воротъ Сузанъ-Гиранъ, вытекаетъ чрезъ восточную стѣну и за нею соединяется съ третьимъ ручьемъ, омывающимъ эту стѣну, и оба вмѣстѣ впадаютъ въ *Аби-Бяшертъ*, или *Аби-Мешхедъ*, какъ называютъ его простолюдины, протекающій у подножья сѣверной стѣны города. Это богатство естественнаго орошенія позволяетъ снабжать всѣ дома проточною водою, что не мало способствуетъ сохраненію здоровья жителей. Каравансераевъ въ городѣ два, а торговыхъ бань три, изъ коихъ двѣ называются *Хаммами-Ходжа-Ахраръ*, а третья *Хаммами-Мири*. Кромѣ ежедневной торговли, въ Самаркандѣ бываетъ два базара въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ. Галантерейными вещами и ситцами торгуютъ около *Медресы-Ширъдаръ*, лошадьми же около *Медресы-Ханумъ*.

Что Самаркандъ городъ глубокой древности, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Восточные историки относятъ построеніе его къ героической эпохѣ персидской исторіи, приписывая его Кейаниду *Кей-Каусу*, сыну *Кей-Кубада*. Потомъ городъ этотъ былъ разрушенъ полубаснословнымъ аменскимъ царемъ *Шимромъ*, чрезъ что новый городъ, возведенный на мѣсто стараго, получилъ будто бы названіе *Шимръкяндъ*, т. е. «Шимръ разрушилъ», изъ котораго арабы впослѣдствіи сдѣлали Самаркандъ. Это, очевидно, игра ума восточныхъ филологовъ, хотя память о связанномъ съ нимъ наплывомъ семитовъ на Среднюю Азію, вѣроятно, имѣетъ основаніе. Какъ бы то ни было, во времена похода Александра Великаго въ Азію, въ Трансоксіанѣ существовалъ городъ *Мараканда*, занятый Александромъ въ 329 году до Р. Х., отбитый у него въ томъ же году *Спитаменесомъ*, обошедшимъ армію Македонскаго героя съ тыла, чрезъ Кызылъ-Кумъ, и снова доставшійся македонцамъ, по возвращеніи Александра изъ Ходжента, передъ его зимовкою въ *Зарнаспъ*, въ которомъ всѣ признаютъ *Хезаръаспъ*. Съ этого времени при эллино-бактрійскихъ правителяхъ, при Арзакидахъ, Сассанидахъ, арабахъ Халифата, Саманидахъ, Карахитайцахъ, Газнавидахъ, Сельджукидахъ, Харезмъ-Шахахъ, Чингизидахъ, Тимуридахъ, Шейбенидахъ и Батуханидахъ, то есть при 13-ти династіяхъ, Самаркандъ не переставалъ быть городомъ. Это огромное его прошедшее заставляетъ думать, что мѣсто, занятое Самаркандомъ, есть настоящій кладъ археологическихъ открытій, и я въ этомъ не сомнѣваюсь, но увѣренъ, что они находятся *подъ* поверхностью земли, занятой городомъ, *на* поверхности же ея нѣтъ памятниковъ старѣе эпохи Тамерлана. Памятники эти суть: два дворца Тимура, одинъ загородный, выстроенный противъ сѣверной стѣны города, обращенъ теперь въ святилище *Шахи-Зинде*, другой въ цитадели, или *аркѣ*, гдѣ находится голубой или зеленый камень, на который должны ступать всѣ бухарскіе эмиры, чтобы не оставить сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ. *Медресе-Ханумъ*, обширное училище, выстроенное, по свидѣтельству Мухам. Фасихи, въ 807 г. Геджры (1404) одною изъ многочисленныхъ женъ Тимура. Соборная мечеть, выстроенная въ 801 г. Г. (1398—99), близъ этого училища, Тимуромъ, на счетъ суммъ, собранныхъ въ Индіи съ гебровъ. Три медресы: *Улугъ-Беги*, *Ширъдаръ* и *Тилля-Кари*. Постройка первой, по свидѣтельству Хаджи Хальфы, начата въ 824 г. Г. (1421 г. по Р. Х.), такъ что число, приводимое у Вамбери (стр. 210 англ. изд.), т. е. 828 г. Г., вѣроятно относится къ окончанію ея постройки. Медресе *Ширъдаръ*, по свидѣтельству Вамбери, неизвѣстно на чемъ основанному, построена калмыкомъ *Іеленктошемъ* въ 1028 г. Г. (1618 г. по Р. Х.), слѣдовательно, относится къ царствованію Батуханида, Сейида-Имамъ-Кули-хана. Наконецъ, надгробный мавзолей Тимура. Точный годъ его построенія мнѣ неизвѣстенъ, но онъ легко можетъ быть теперь открытъ на самомъ зданіи; знаменитый же черный камень, положенный надъ могилою Тамерлана, по свидѣтельству Мухаммеда Фасиха, привезенъ въ Самаркандъ въ 818 г. Г. (1415 г. по Р. Х.). Относительно этого камня спутникъ Надиръ-шаха, Ходжа Абдулькеримъ, на 44-й стр. англійскаго перевода его записокъ, разсказываетъ слѣдующее: «Лютфъ-Али-ханъ, племянникъ Надиръ-шаха, былъ отправленъ въ Самаркандъ, чтобы набрать тамъ 9,000 узбековъ. Надиръ-шахъ, получивъ свѣдѣніе, что надгробный камень Тимура считается большою рѣдкостью,—многіе увѣряли, что это *безоаръ*,—приказалъ своему племяннику привезти его въ *Мешхедъ*, вмѣстѣ съ бронзовыми воротами близълежащей медресы. Лютфъ-Али привелъ узбековъ и привезъ камень и ворота, но первый, при вырываніи, былъ разбитъ на четыре куска. Такъ какъ я былъ знакомъ съ тѣми, кому было поручено это дѣло, то досталъ одинъ кусокъ и вывезъ его съ собою въ Индію, на показъ друзьямъ». Какъ бы то ни было, камень теперь возвращенъ на мѣсто и 4-го (16-го) сентября 1841 года я его видѣлъ, съ одною трещиною посрединѣ, такъ что, если Абдулькерима не обманули, то ему достался осколокъ, либо изъ основанія камня, либо его внутренности. Я не считаю нужнымъ подробнѣе описывать памятниковъ Самарканда; читатели найдутъ эти описанія въ вышеназванной моей книгѣ «Описаніе бухарскаго ханства», въ запискахъ Лемана, такъ тщательно и наставительно изданныхъ генераломъ Гельмерсеномъ въ 17-й книжкѣ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches* и, наконецъ, въ книгѣ Вамбери.

Окончу эту статью выраженіемъ надежды, что кто нибудь изъ храбрыхъ нашихъ соотечественниковъ, такъ блистательно отплатившихъ, подъ предводительствомъ генерала Кауфмана, непрошенный визитъ Тимура къ Москвѣ, доставитъ намъ свѣдѣнія болѣе подробныя и интереснѣе тѣхъ, которыя мы, еще такъ недавно, должны были собирать съ тяжкимъ трудомъ и опасностями. Въ Самаркандѣ все интересно: надгробныя надписи, надписи строеній, книги, монеты, золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія, акты, имѣющіеся въ рукахъ жителей и мечетей, топографическія подробности о положеніи разворенныхъ садовъ Тимура и построекъ Абдуллы-хана, а въ особенности подробное описаніе развалинъ знаменитаго *Калаи-Афросіабъ*, по которому я могъ только разъ скоро проѣхать верхомъ. Имя *Афросіаба* переноситъ насъ въ героическую эпоху первой борьбы Ирана съ Тураномъ, и если оно не случайное повтореніе древняго и славнаго названія, а дѣйствительно отголосокъ туманнаго прошедшаго, то малѣйшее свѣдѣніе объ этой мѣстности будетъ принято съ большимъ вниманіемъ и благодарностью всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ. Не менѣе любопытно было бы узнать, существуютъ ли остатки моста чрезъ *Зярвавшанъ*, извѣстнаго у арабскихъ географовъ подъ именемъ *Контареи Самаркандъ* и о которомъ они говорятъ, какъ о чудѣ?

Н. Ханыковъ.

Парижъ, 5-го (17-го) іюня 1868 г.

ЖУРНАЛЬНЫЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О смерти графа Аракчеева.—О графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ.—Воспоминаніе о Чаадаевѣ.—Письмо Дениса Давыдова съ препровожденіемъ уса (*Русскій Архивъ, № 6*).—Эксплоатація человѣческой жизни посредствомъ застрахованія жизни.—Врачи-эксперты въ судахъ.—Врачъ, доведенный до съумасшествія защитникомъ.—Изъ прошлаго.—Число умершихъ отъ холеры въ Европѣ во время пяти эпидемій (1831—1858 г.)—Народная медицина (*Архивъ судебной медицины и общественной гигіены*).—Рабочіе на винокуренныхъ заводахъ (*Отечественныя Записки, № 6*).

Не совсѣмъ давно мы сообщали читателямъ, со словъ *Русскаго Архива*, о кончинѣ графа Аракчеева. Въ нумерѣ 6-мъ того же журнала появилось опроверженіе этого разсказа, сообщенное г. Бровцынымъ, бывшимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ покойнымъ графомъ и присутствовавшимъ при его кончинѣ. Г. Бровцынъ опровергаетъ прежній разсказъ совершенно, отъ начала до конца. «Удостовѣряю, какъ очевидецъ, говоритъ онъ, что графъ, больной, медицины и докторовъ не бранилъ и скончался не всовывая въ ротъ пальцевъ. Тѣло графа обмыли его люди, и я самъ помогалъ надѣть на него завѣщанную

СРЕДА

№ 165

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАВЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

19 ИЮНЯ
1 Іюля

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклямы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида, Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Сукон. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

ГОДЪ

55-й.

оворѣ, составившемся въ Бѣлградѣ, спѣшатъ вить протестъ противъ такого обвиненія. Такъ, примѣръ, гг. Годжинъ и Гервичъ, въ Новомъдѣ, протестуютъ, отъ имени сербской омлади-, противъ обвиненій, возведенныхъ на омлану въ пештскихъ и вѣнскихъ газетахъ. «Омлана—говорятъ гг. Годжинъ и Гервичъ — преслѣдуетъ чисто научныя и литературныя цѣли, не политическія.» Князь Петръ Карагеоргіечъ обнародовалъ въ пражской газетѣ *Politik* ротестъ, подобный тому, какой былъ обнарованъ отцомъ князя. Протестъ этотъ писанъ на ранцузскомъ языкѣ; сущность его такова: «Г. редакторъ! Вотъ уже десять дней, какъ мнѣ прицится читать во всѣхъ газетахъ самыя нелѣпя выдумки на счетъ участія, какое принили будто бы члены моей фамиліи въ событихъ, совершившихся въ послѣднее время въ ѣлградѣ. Прошу васъ, г. редакторъ, отвести уважаемой вашей газетѣ мѣсто для опроверенія, дѣлаемаго мною вышеупомянутыхъ ложныхъ извѣстій. Прежде всего считаю долгомъ явить, что единственные, справедливые по относенію къ членамъ моей фамиліи факты — слѣующіе: отецъ мой, князь Александръ, жившій давнихъ поръ въ Пештѣ, намѣревался переслиться будущею осенью въ Вѣну, и съ этою лью нанялъ уже въ Вѣнѣ домъ, гдѣ думалъ омѣститься. Лѣтній же сезонъ всѣ члены наего семейства должны были провести въ Бокекѣ, помѣстьѣ намъ принадлежащемъ и находящемся въ арадскомъ комитатѣ, въ Венгріи. Съ 5-го мая текущаго года отецъ мой ни разу икуда не выѣзжалъ изъ этого помѣстья. Съ 1860 ода я живу въ Парижѣ, и въ нынѣшнемъ году амѣревался ѣхать въ Бокшекъ, чтобы повидатья съ домашними и сопровождать потомъ нѣкорыхъ хворающихъ членовъ моего семейства въ арлсбадъ. Я прибылъ въ Бокшекъ 20-го іюня. то касается обвиненій, взводимыхъ на насъ и ыставляющихъ насъ участниками въ заговорѣ, о мы считаемъ унизительнымъ для себя оправываться отъ такихъ обвиненій. Никогда не было никогда не будетъ доказано, что члены нашего емейства играли когда-либо роль заговорщиковъ. Отецъ убѣдилъ меня въ этомъ вполнѣ при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи; что же кается до меня лично, то опять торжественно аявляю, что вышеизложенныя обвиненія — чистѣйшая ложь. Пусть лучше обвиняющая насъ артія не заставляетъ меня вспоминать о томъ, то ей приличнѣе и удобнѣе засвидѣтельствовать самой предъ лицомъ Бога и людей. Примите проч. Князь Петръ Карагеоргіевичъ. Карлсбадъ, 21-го іюня 1868 года.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Голодъ въ Алжиріи. Монсиньоръ Калло открыто заявилъ, что во время голода, свирѣпствовавшаго въ послѣднее время въ Алжиріи, въ одной провинціи Оранъ умерло голодной смертью 126,000 туземцевъ.

Г-жа Шнейдеръ въ Лондонѣ. Изъ Лондона пишутъ отъ 21-го іюня: «Французская актриса Шнейдеръ имѣла здѣсь точно такой же успѣхъ, какъ Патти и Нильсонъ. Въ Эрфуртѣ, Тальма игралъ на сценѣ предъ партеромъ королей; въ Лондонѣ Шнейдеръ играетъ въ настоящую минуту предъ партеромъ принцевъ. Нужно прибавить, что г-жа Шнейдеръ явилась вышеозначеннаго числа въ первый разъ на сценѣ Сенъ-Джемскаго театра въ роли «великой герцогини Герольштейнской». Принцъ и принцесса валлійскіе присутствовали при этомъ представленіи.

Новое сочиненіе Гизо. Старецъ Гизо, обнаруживающій, не смотря на преклонныя лѣта, необыкновенную умственную дѣятельность, издалъ недавно въ свѣтъ: *Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des societés et des esprits* (Парижъ М. Леви). Этимъ размышленіямъ предпослано обширное, въ 100 страницъ, предисловіе, составляющее почти треть книги; въ этомъ предисловіи авторъ касается важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ, и, между прочимъ, вопроса объ объединеніи Германіи.

Запросъ о классическомъ образованіи въ Англіи. Въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 15-го іюня, зашла рѣчь объ избитомъ вопросѣ, слѣдуетъ ли вводить въ такъ называемыхъ *public schools* преподаваніе классическихъ языковъ предпочтительно предъ преподаваніемъ языковъ новѣйшихъ и реальныхъ наукъ. Ораторы, затронувшіе этотъ вопросъ въ парламентѣ, коснулись не только *public schools*, но и университетовъ; пренія, однако, скоро кончились, такъ какъ правительственные коммисары замѣтили, что вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи обсуждается въ особой коммисіи палаты общинъ.

ОТЪ НИЖНЯГО НОВГОРОДА ДО ТАШКЕНТА.

Наслышавшись много о трудностяхъ и опасностяхъ пути въ Ташкентъ, я съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ Нижній, въ срединѣ февраля. Однакожъ до Орска, стоящаго, какъ извѣстно, на границѣ европейской Россіи съ азіятскою, я доѣхалъ въ 11 дней какъ нельзя лучше. Единственная непріятность, какая можетъ постичь проѣзжающаго по этому пути зимою—это бураны; но они стихаютъ уже во второй половинѣ февраля, и это время едва ли не самое удобное для путешествія, потому что весною и осенью невылазная грязь, а лѣтомъ—чрезвычайная пыль дѣлаютъ этотъ путь, хотя бы только и отъ Самары, не очень пріятнымъ. Совершенно иной характеръ имѣетъ путешествіе отъ Орска, въ какое бы то ни было время года. Не стану распространяться о неудобствахъ, лишеніяхъ и непріятностяхъ уже достаточно всѣмъ извѣстныхъ, обращу только вниманіе на мѣстность и людъ ее населяющій.

Выѣзжая изъ Орска въ Киргизъ-Кайсацкую степь, приходится вспомнить надпись надъ вратами Дантова ада: «оставь надежду навсегда». И дѣйствительно, вы въѣзжаете въ страну, которая, еще по ученію Зороастра, считалась жилищемъ злаго духа, Аримана. Понятно, что обитателямъ свѣтлаго Ирана и не могла казаться иною страна мертвая, совершенно безлѣсная, почти безводная, зимою заносимая буранами, лѣтомъ раскаляемая солнцемъ и нисколько неосвѣжаемая, населенная народомъ бѣднымъ, некрасивымъ, полудикимъ. Вы ѣдете по безбрежной равнинѣ, покрытой снѣгомъ, точно саваномъ, не встрѣчая на пути ничего, что хоть сколько нибудь могло бы занять глазъ. Однообразіе пустыни только изрѣдко нарушается auломъ изъ нѣсколькихъ юртъ, занесенныхъ снѣгомъ, либо караваномъ тяжело навьюченныхъ верблюдовъ, везущихъ хлопокъ изъ Ташкента, либо наконецъ табуномъ барановъ, лошадей или верблюдовъ, добывающихъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Особенно печальный видъ имѣютъ пески Кара-кумъ (черный песокъ). Почти совершенно лишенная воды, степь эта имѣетъ характеръ сперва волнистый, потомъ бугристый, а приближаясь къ Аральскому морю, она дѣлается кочковатою, такъ что кажется, будто ѣдешь среди могилъ по обширному кладбищу. Бугры и кочки нельзя сказать, чтобъ не были покрыты растительностію: они усѣяны, какъ щетиною, деревянистымъ бурьяномъ, называемымъ у туземцевъ саксауломъ. Какъ ни безобразна растительность этого рода, но для киргизовъ она сущее благодѣяніе тѣмъ, что, во-первыхъ, замѣняетъ имъ дрова для топлива, а во-вторыхъ, составляетъ пропитаніе для неприхотливыхъ верблюдовъ, единственнаго ихъ богатства въ этомъ краѣ. Верстахъ въ 50 отъ форта № 1 пески прекращаются, мѣстность становится ровнѣе, нѣсколько живописнѣе и оживленнѣе; появляются камыши, затѣмъ поля, перерѣзанныя въ различныхъ направленіяхъ канавами, для производства искусственнаго орошенія, безъ котораго невозможенъ урожай проса, главнѣйшаго пропитанія киргизовъ. За четыре станціи передъ фортомъ № 1, почти всегда уже приходится путешествовать на колесахъ. Фортъ № 1, иначе называемый Казала, есть первый городъ, котораго вы достигаете послѣ долгаго и труднаго пути. Положеніе Казала весьма выгодно: онъ лежитъ: во-первыхъ, близъ устья большой судоходной рѣки, а во-вторыхъ, на перепутьи изъ средней Азіи въ Европу. Вотъ почему въ Казалѣ развилась и значительная торговля, хотя самый городъ представляетъ не очень привлекательный видъ, а именно: низенькія, сѣренькія, построенныя изъ сыраго кирпича строенія, дѣлаютъ его унылымъ и жалкимъ. Въ самой серединѣ города построена башня, на верху которой стоитъ $^1/_4$-пудовый единорогъ, къ которому приставленъ часовой. Въ городѣ множество лавокъ, но всѣ онѣ миніатюрны. На базарной площадѣ кишмя-кишитъ народъ всѣхъ націй: тутъ и хивинцы и бухарцы, киргизы и трухменцы, персіяне и проч., и проч. Тутъ же и множество верблюдовъ, лошадей и барановъ. Предметы на рынкѣ весьма дороги, почти вдвое дороже противъ того, какъ внутри Россіи; дешевы только предметы туземные: просо, рисъ, кошмы и т. п. Изъ форта № 1 дорога идетъ правымъ берегомъ р. Сыръ-Дарьи, по мѣстности ровной и открытой, обнаженной отъ всякой растительности, по большей части песчаной, мѣстами глинисто-солонцеватой, въ лѣтнее время чрезвычайно-трудной для проѣзда. Рѣка Сыръ-Дарья течетъ въ низкихъ берегахъ и притомъ очень быстро и такъ какъ дорога все время идетъ берегомъ, то естественно, что она поднимается довольно значительно. Встрѣчаются канавы для орошенія полей. Эти канавы проводятся изъ Сыръ-Дарьи, верстъ на сто перпендикулярно ея теченію; а потомъ уже отъ нихъ дѣлаютъ отводы или арыки въ разныхъ направленіяхъ для производства болѣе или менѣе частаго орошенія земли въ сухую лѣтнюю пору. Киргизы больше всего сѣютъ ячмень, для корма лошадей, затѣмъ просо для собственнаго пропитанія, пшеницу и въ недавнее время рожь; на Куванъ-Дарьѣ стали засѣвать даже и картофель, который родится довольно хорошо.

Въ фортѣ № 2, по-туземному Карамакча, происходитъ переправа на другую сторону Сыра и дорога идетъ дальше лѣвымъ берегомъ до форта Перовскаго. Съ переправою чрезъ Сыръ-Дарью, глазъ путешествующаго пріятно поражается измѣнившимися до нѣкоторой степени ландшафтомъ; начинаются кустарниками, въ которыхъ находятъ себѣ пріютъ самыя разнообразныя животныя и между прочимъ неизвѣстныя Европѣ фазаны и тигры. Кустарникъ густой, колючій съ плодами, употребляемыми киргизами въ пищу и называется джида; саксаулъ здѣсь также растетъ въ изобиліи густымъ кустарникомъ. Аулы попадаются чаще, а также и табуны лошадей, барановъ и верблюдовъ. Мѣстность не столько возвышается и за-частую покрыта большими камышами, въ которыхъ гнѣздится чрезмѣрное количество дикихъ гусей и утокъ. Вблизи форта Перовскаго дорога опять переходитъ на правый берегъ Сыра. Фортъ Перовскій, уѣздный городъ, гораздо больше Казалы и торговля его значительнѣе, но внѣшній видъ его болѣе безотраденъ и унылъ. Отъ форта Перовскаго сопровождаютъ васъ камыши, чередующіеся джидою, колючникомъ и саксауломъ, достигающимъ здѣсь размѣровъ небольшихъ деревьевъ. Какъ до форта № 2 на протяженіи тысячи верстъ чувствовалось отсутствіе растительности, такъ здѣсь, наоборотъ, изобиліе ея, но отъ этого обстоятельство дѣла мало измѣняется: мѣстность имѣетъ почти тотъ же безотрадный характеръ степи, потому что растительность однообразна и монотонна. Верстахъ въ десяти отъ развалинъ коканской крѣпости Яны-Курганъ мѣстность опять становится равниною, гладкою, открытою и только съ лѣвой стороны окаймленною грядами Каратаускихъ горъ. Тутъ же почти сразу обхватили меня и сильные жары, такъ что мнѣ въ весьма короткое время пришлось перейти отъ сильнаго холода къ сильному теплу. Отъ форта Перовскаго замѣчается приближеніе къ странамъ болѣе цивилизованнымъ; киргизскій типъ замѣняется кавказскимъ: появляются сарты сначала перемѣшанные съ киргизами. Сарты гораздо понятливѣе киргизъ, и, не смотря на недавнее присоединеніе ихъ къ Россіи, между ними чаще встрѣчаются говорящіе по-русски, чѣмъ между киргизами. При томъ сарты живутъ въ городахъ, киргизы же въ подвижныхъ аулахъ, составляемыхъ изъ юртъ. И тутъ, какъ и вездѣ, впрочемъ, замѣчается вліяніе средствъ къ существованію на цивилизацію. Если въ европейскихъ государствахъ отсутствіе желѣзныхъ рудъ плачевно отзывается на промышленности страны,

то что же можно ожидать отъ страны, лишенной даже дерева. Полное отсутствіе дерева, недостатокъ воды, плохое произрастаніе злаковъ, сильные морозы зимою и сильные жары лѣтомъ, все это обусловило жалкій, апатичный характеръ киргиза, какъ бы пришибленный и придавленный. Самый типъ киргиза весьма непривлекателенъ: широкое, плоское лицо, узкіе глаза, выдавшіяся скулы, большія челюсти и довольно толстыя губы, однимъ словомъ, типъ киргиза составляетъ переходъ отъ кавказскаго племени къ монгольскому. Сарты, наоборотъ, принадлежатъ къ чисто кавказской расѣ. Лучшія климатическія условія выработали въ нихъ и характеръ болѣе острый и смышленный.

Подъѣзжая къ Туркестану, глазъ путешествующаго еще издали поражается величіемъ мечети, составляющей, впрочемъ, единственное украшеніе этого тщедушнаго города. Какой поразительный контрастъ, разсматривать съ одной стороны эту мечеть, самую славную во всей средней Азіи, почти столь же высокую, какъ и Исаакіевскій соборъ, построенную изъ обожженнаго кирпича,—а съ другой низенькія, приплюснутыя мазанки-сакли, въ которыхъ повернуться тѣсно! Мечеть построена еще Тамерланомъ (или Темиръ-миромъ, т. е. Темиръ-эмиромъ, желѣзнымъ правителемъ, какъ здѣсь его называютъ) и заключаетъ въ себѣ гробницу одного туркестанскаго святаго, жившаго, по преданію, за 800 лѣтъ, по имени Хаджи-Ахметъ-Азретъ (великій султанъ). Гробницу эту, покрытую чорнымъ сукномъ, можно видѣть только стоя въ почтительномъ отдаленіи и при томъ за нѣкоторую плату. Посреди мечети стоитъ огромная мѣдная ваза и такіе же подсвѣчники, сдѣланные весьма и весьма искусно. Ваза осѣнена бунчуками и служитъ для омовенія. По бокамъ мечети устроены для монаховъ кельи, узкія, темныя, похожія больше на каменные мѣшки, чѣмъ на жилища живыхъ существъ; впрочемъ, въ настоящее время монаховъ и не имѣется: они упразднились со времени взятія крѣпости русскими. Въ мечети никакихъ украшеній ни по части живописи, ни по части скульптуры нѣтъ, исключая, впрочемъ, нѣсколькихъ рисовыхъ листовъ, на которыхъ начертаны красками какія-то каракули въ родѣ деревъ и зданій и сохраняемыхъ, какъ наслѣдіе отъ святыхъ отцовъ. За то довольно стиховъ изъ корана написано по-арабски, на стѣнѣ ниши. Тутъ же помѣщается и громадное знамя одного изъ героевъ Туркестана; а передъ нишею, высоко привѣшенъ горшокъ, по словамъ туземцевъ, наполненный золотомъ и повѣшенный тѣмъ же самымъ героемъ. Въ мечети есть еще нѣсколько отдѣленій для молитвъ и усыпальницъ. Къ мечети пристроены двѣ высокія башни съ крутыми лѣстницами, по которымъ правовѣрные вползаютъ на верхъ по пятницамъ, для молитвы; болѣе храбрые, по преимуществу юноши, вползаютъ еще выше на куполъ: малѣйшая оплошность—и несчастный рискуетъ разбиться въ дребезги; но благоговѣйная надежда, что Аллахъ скорѣе услышитъ молитву, придаетъ смѣлость и увѣренность. Туркестанъ населенъ сартами и содержитъ до трехъ тысячъ жителей; высокія крѣпостныя стѣны изъ глины окружаютъ городъ; на тѣсныхъ башняхъ разставлены наши орудія. Водою городъ снабжается частью изъ арыковъ, частью изъ колодцевъ. Жизненные припасы весьма дешевы, какъ-то: мука, просо, яйца и тому подобное. Вокругъ города имѣются сады, въ которыхъ, вступивъ на азіятскую почву, въ первый разъ встрѣчаешь настоящія деревья, и именно тополи. Но изъ Туркестана до Чемкента мѣстность опять обнаженная, за то степная и покрытая сочною травою, на которой пасутся многочисленные стада верблюдовъ, барановъ, лошадей и рогатаго скота. Множество горныхъ рѣчекъ пересѣкаетъ путь; черезъ рѣчки приходится переправляться въ бродъ. Одна изъ нихъ Арысь, за двѣ станціи до Чемкента, иногда до того наполняется водою изъ сосѣднихъ горъ, что вынуждаетъ путешествующаго ждать на берегу по нѣскольку сутокъ; такъ я прожилъ четверо сутокъ и переправился съ помощью верблюдовъ. Въ Чемкентѣ около 4 хъ тысячъ жителей и онъ, подобно Туркестану, сбитъ въ кучу, не смотря на то, что въ городѣ довольно садовъ и зелени. Породы деревьевъ здѣсь уже болѣе разнообразны, чѣмъ въ Туркестанѣ: есть и урюкъ, карагачъ, тальникъ и другія растенія. Въ Чемкентѣ заслуживаетъ вниманія цитадель, построенная еще коканцами на неприступной высотѣ; въ цитаделѣ находится многочисленный складъ отбитыхъ орудій, между которыми попадаются и орудія замѣчательно хорошо отлитыя. Но хорошо дѣйствовать этими орудіями коканцы все-таки не могли, потому что, не имѣя ни прицѣловъ, ни квадрантовъ, они не могли придавать своимъ орудіямъ угловъ возвышенія. Отъ Чемкента до Ташкента приходится ѣхать по мѣстности сильно холмистой, пересѣкая отроги каратаускихъ горъ, на вершинахъ которыхъ еще долго держится снѣгъ, тогда какъ подошвы давно зеленѣютъ. Мѣстность глинистая, степная, пересѣкается время отъ времени горными ручьями, переѣзжаемыми въ бродъ. Наконецъ 22-го марта я пріѣхалъ въ Ташкентъ. Было около полуночи и я принялся разыскивать себѣ ночлегъ. Толкнулся къ единственной гостинницѣ—всѣ нумера оказались давнымъ давно занятыми; въ частныхъ домахъ отговаривались тѣснотою. Пришлось расположиться на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Едва успѣлъ я прилечь, какъ раздался не сильный подземный гулъ и меня стало колебать. Въ тоже время послышался звонъ разбитыхъ стеколъ, поднялся лай собакъ и кваканье лягушекъ. Всѣ жители въ испугѣ повысыпали на улицу. Произошло землетрясеніе (колебательное), продолжавшееся болѣе минуты и причинившее довольно значительный вредъ: въ азіятскомъ городѣ погибло около 14 человѣкъ и разрушено довольно саклей; европейскій городъ отдѣлался только трещинами въ домахъ. Это уже третье и притомъ сильнѣйшее землетрясеніе, испытанное Ташкентомъ со времени покоренія его русскими. Старики туземцы говорятъ, что землетрясенія вообще въ Ташкентѣ довольно часты и что сильныя случаются среднимъ числомъ черезъ тридцать лѣтъ. Ознакомиться съ внѣшнимъ видомъ города было однимъ изъ первыхъ моихъ желаній. Прежде всего пришлось начать съ европейскаго квартала, который совершенно обособленъ, хотя непосредственно и прилегаетъ къ азіятскому городу. Онъ раздѣляется на шесть слободокъ и выстроенъ довольно правильно. За отсутствіемъ лѣса всѣ дома глиняные, изъ такъ называемаго воздушнаго кирпича, т. е. кирпича, высушеннаго на солнцѣ. Дома всѣ одноэтажные, съ плоскими крышами, за малымъ исключеніемъ, промокаемыми въ ненастное время года. Въ сухое время пыль, въ дождливое грязь невыносимы. Вымощена пока еще только одна улица: главная, шоссейная; улицы довольно широкія, усаживаются деревьями; деревьями же усажены и дворы, которые такимъ образомъ превращаются въ нѣчто въ родѣ садиковъ; по срединѣ же дворовъ вездѣ устроены пруды. Все это дѣлается въ видахъ освѣженія воздуха во время лѣтнихъ жаровъ, доходящихъ здѣсь до 45 и болѣе градусовъ. На дворѣ зачастую увидишь еще и палатку, куда хозяинъ дома, либо жилецъ переселяются лѣтомъ на ночлегъ, потому что тогда ночью прохладнѣе въ палаткѣ, днемъ же — въ комнатѣ при закрытыхъ окнахъ и смачиваніи пола водою. Полы вездѣ кирпичные. Рѣки въ городѣ не имѣется; снабженіе же его водою производится изъ арыковъ (протоковъ, канавъ), отводимыхъ изъ Салара, горной рѣчки, текущей вблизи Ташкента. Кромѣ того, русскіе стали строить колодцы. Вода не вредная. Вообще же внѣшній видъ европейскаго города довольно унылый, такъ какъ дома низенькіе, плоскіе, по большей части сѣренькіе. Видъ нѣсколько оживляется тянущимся на сѣверо-востокъ хребтомъ Кара-Тау, покрытымъ до середины лѣта снѣгомъ и представляющимъ, при солнечномъ закатѣ, зрѣлище весьма живописное, да еще садомъ, состоящимъ изъ урюковыхъ деревьевъ, называемымъ Минъ-урюкомъ (то-есть тысячу урюковъ), сдѣлавшимся любимымъ мѣстомъ для прогулки русской публики. Азіятскій городъ, или, какъ здѣсь называютъ, собственно Ташкентъ, имѣетъ совсѣмъ другую физіономію: онъ нѣсколько напоминаетъ малороссійскія деревни въ Кіевской губерніи, построенныя изъ камня. Здѣсь вмѣсто камня служитъ глина Весь городъ какъ бы утонулъ въ садахъ. Мѣстность довольно неровная, и сакли, точно ласточкины гнѣзда, лѣпятся по долинамъ, по косогорамъ, образуя часто улички, въ которыхъ человѣку пройдти тѣсно. Воздушные мостики, желоба, по которымъ переносится арыкъ съ одного берега оврага на другой, попадаются на каждомъ шагу. Городъ чрезвычайно большой, такъ что въ одинъ день весь объѣхать трудно: окружность его доходитъ до семидесяти верстъ;—это въ своемъ родѣ Москва. Даже главныя улицы кривы и узки, такъ что едва могутъ разъѣхаться двѣ арбы. Главнѣйшія улицы вымощены булыжнымъ камнемъ, правда весьма плохо, но все-таки хотя нѣсколько защищаютъ отъ грязи. Дома выходятъ на улицу только развѣ заднею стѣною, обращаемою, по возможности, къ южной сторонѣ. Входъ и маленькія окошечки, заклеенныя пузыремъ, обращаются къ сѣверу, и притомъ во дворъ. Такимъ расположеніемъ домовъ достигается, во-первыхъ, наибольшая степень прохлады и во-вторыхъ—спокойствія, потому что ни для проходящихъ по улицѣ, ни для нѣкоторыхъ изъ живущихъ въ домѣ нѣтъ никакого соблазна. Тѣснота и сальность помѣщеній нѣсколько парализуется имѣющимися при каждой саклѣ садомъ и прудомъ. Кстати притомъ частое омовеніе правовѣрному вмѣнено въ священный долгъ. Крыши саклей плоскія, покрыты дерномъ; на нихъ играютъ и рѣзвятся дѣти. Есть сакли и двухъ-этажныя; но въ такомъ случаѣ нижній нежилой, а служитъ для конюшни, либо сарая. Мечети представляютъ видъ не столько жалкій, какъ сакли. Онѣ построены изъ обожженнаго кирпича и довольно просторны, иные съ куполомъ. Галлереи при мечетяхъ имѣютъ расписанные и рѣзные потолки; разноцвѣтный рисунокъ и инкрустація на нихъ весьма затѣйливы и необыкновенно роскошны: въ нихъ исключительно выливается все искуство благоговѣющей души правовѣрнаго. На галлереяхъ совершается намазъ въ обыкновенное время (пять разъ въ день), по праздникамъ же внутри. Внутренность мечети довольно представительна; высокіе своды, стрѣльчатыя арки, стѣны, выштукатуренныя алебастромъ, не достаетъ только свѣту, который проходитъ сквозь маленькія стрѣльчатыя окошечки, заклеенныя бумагою, и двери. При мечетяхъ устраиваются школы, въ которыхъ мальчики обучаются грамотѣ. Обученіе грамотѣ весьма распространено; но какъ оно происходитъ—это другой вопросъ; это нѣчто въ родѣ еврейскихъ школъ, достаточно извѣстныхъ читателямъ. Высшее образованіе происходитъ въ медрессе — своего рода университетѣ. Зданіе величественное, съ двумя башнями и съ дворомъ въ срединѣ; кругомъ кельи для учителей—муллъ. Есть и аудиторія — просторная комната, освѣщаемая, впрочемъ, только черезъ трое дверей; полъ устланъ коврами; на полу лежало нѣсколько книгъ. Чему здѣсь учатся и какъ учатся—я, не смотря на всѣ мои старанія, никакъ не могъ добиться. Изслѣдованіе о мусульманской мудрости пришлось отложить подальше. Продолжая осматривать Ташкентъ, я въѣхалъ въ Караванъ-серай. Лавокъ въ немъ великое множество, но онѣ всѣ маленькія, тѣсныя, какъ клѣтушки, разгороженныя тонкими стѣнками. Улицы здѣсь сверху крыты, что если мало предохраняетъ отъ дождя и почти нисколько отъ грязи, то, по крайней мѣрѣ, отъ солнца. Лавки образуютъ ряды: мучной, овошенный, мелочной, красный, желѣзный, серебряный, сѣдельный и т. д., и т. д. Тутъ же на каждомъ шагу чайни и цирюльни. На улицахъ тихо: нѣтъ ни шума, а тѣмъ пуще дракъ. Нищихъ и праздношатающихся весьма мало. Все по большей части сидитъ чинно и предается кейфу. Какая-то вялость и монотонность царствуетъ всюду. Мое зрѣніе было внезапно поражено про-

шедшими мимо меня муміями, движущимися существами, закутанными съ головой въ платье пепельнаго цвѣта, съ длинными рукавами, закинутыми назадъ и связанными у земли, съ черною волосяною сѣткою на лицѣ. Это были женщины, отверженныя существа—своего рода паріи. Мое сердце сильно сжалось и въ памяти пронеслась вся печальная исторія Средней Азіи. Предо мною былъ народъ, никогда незнавшій свободы, вѣчно порабощенный, неимѣвшій пощады ни со стороны частныхъ завоевателей, ни со стороны своихъ собственныхъ правителей. Деспотизмъ семейный, деспотизмъ общественный, деспотизмъ религіозный сильно придавилъ этихъ людей, которые при другихъ условіяхъ, конечно, развились бы лучше. И я вздохнулъ свободнѣе, что мы, русскіе, рѣшились, наконецъ, освѣжить и провѣтрить этотъ подвалъ. Понятно, что сартамъ никогда такъ не жилось, какъ теперь. Первою заботою нынѣшняго нашего правленія здѣсь ободрить туземцевъ, привязать къ русскому, доказать имъ превосходство европейской цивилизаціи: съ ними носятся, лелѣютъ, даже можетъ быть черезъ-чуръ, такъ что сарты, непривыкшіе къ гуманнымъ принципамъ, не вѣрятъ своимъ глазамъ. Они не привыкли къ законному обращенію и равноправности: грабежи, произволъ и жестокость характеризовали ихъ прошедшую жизнь. Не стану теперь вдаваться въ подробности и разборъ реорганизаціи края, а скажу только, что намъ слѣдуетъ неуклонно стремиться внести больше русскаго цивилизующаго вліянія тамъ, гдѣ мы уже прошли.

Л. К.

СРЕДА

№ 193

17 ИЮЛЯ
29

1868

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ принимается: въ *С.-Петербургѣ*: въ конторѣ, редакціи въ зданіи Главнаго Штаба, подъѣздъ съ Адмиралтейской площади; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, *Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, по Суков. лин., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Бегрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сынъ Отечества*— на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

ГОДЪ 55-й.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

взимается за 1 разъ, петитомъ—8 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклямы 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

Компаніи эти объявили уже въ настоящее время, что плата за пересылку депеши изъ Лондона въ Нью-Іоркъ будетъ стоить, съ 1-го сентября текущаго года, 3 фунта стерл. 7 шилл. 6 пенс., вмѣсто прежней платы въ 5 фунт. стерл. 5 шиллинговъ.

Въ Лондонѣ стоятъ столь сильныя жары и засухи, какихъ не запомнятъ съ 1824 г. По поводу этихъ жаровъ случаются неслыханныя вещи: одинъ достопочтенный судья, засѣдая въ судѣ присяжныхъ, снялъ съ себя парикъ, и предложилъ адвокатамъ сдѣлать тоже. При стрѣльбѣ въ цѣль въ Вимбледонскомъ лагерѣ оказалось, что у лучшихъ стрѣлковъ, отъ сильнаго зноя, тряслись руки. Вслѣдствіе сильныхъ засухъ, запрещено было, для предупрежденія пожаровъ, курить; но не смотря на такую мѣру предосторожности, въ окрестностяхъ Лондона вспыхнула 20-го іюля сухая трава; огонь распространился, охватилъ деревянную изгородь, и уничтожилъ ее. Дальнѣйшее распространеніе огня было, къ счастію, пріостановлено.

Убійство въ Лиможѣ. Заимствуемъ изъ лиможской газеты *Courrier de Centre* нижеслѣдующія свѣдѣнія касательно ужаснаго убійства, совершеннаго въ этомъ городѣ: «Вечеромъ, въ воскресенье, 21-го іюня, за обѣдомъ вспыхнула ссора между супругами Будино. Дѣло дошло вскорѣ до драки, и возбужденный винными парами, Будино сильно избилъ свою жену; послѣ чего онъ опустился въ совершенномъ опьяненіи на кровать и заснулъ. Съ нимъ оставалась одна только жена его; при наступленіи ночи, видя вблизи себя спящаго человѣка, совершенно разслабленнаго дѣйствіемъ алкоголя, не опасаясь ни крика, ни борьбы, жена Будино съ рѣдкимъ для женщины спокойствіемъ и рѣшительностью, взяла веревку и быстро обвивъ ее вокругъ шеи своего мужа, лежавшаго въ совершенно безчувственномъ состояніи, задушила его. Какъ ни ужасно это злодѣяніе само по себѣ, но дальнѣйшія дѣйствія убійцы, совершенныя съ адскимъ хладнокровіемъ, превосходятъ почти всякое вѣроятіе. Связавъ окоченѣлый трупъ своего мужа съ постели на полъ, она не искусной, но твердой рукой, стала рѣзать его на части. Первые отрѣзанные ею куски тѣла, она снесла и выбросила вблизи аллеи распятія; съ наступленіемъ дня она отодвинула трупъ къ стѣнѣ, прикрывъ его ширмой, и ночью принялась опять за свою чудовищную работу. Во вторникъ, 23-го іюня, въ Корнякѣ найдена была отрѣзанная человѣческая рука и вынутыя изъ трупа внутренности. Между тѣмъ оставшаяся въ комнатѣ часть трупа начала разлагаться, запахъ могъ навести на слѣдъ преступленія, нужно было торопиться, и вотъ преступница съ неслыханной дерзостью, открывается, среди бѣлаго дня, съ узломъ въ рукѣ, въ которомъ завернуты были остатки трупа ея мужа, и выбрасываетъ ихъ на улицѣ; все это, замѣтимъ, не могло сдѣлаться сразу, преступницѣ пришлось совершить нѣсколько подобныхъ путешествій съ кусками человѣческаго тѣла, завернутыхъ въ черную матерію. Но въ домѣ оставалась еще отрѣзанная голова, которую она спрятала въ печную трубу, чѣмъ и объясняется чернота, покрывавшая мертвое лицо; но и эта послѣдняя часть тѣла также разлагается, запахъ опять можетъ выдать преступницу, и тогда-то она отнесетъ голову, которую она хранила при себѣ въ теченіе пяти дней, въ улицу *Encombe-Vincuse*, и помѣщаетъ ее тамъ на небольшой покатости. Такова исторія злодѣянія, занесеннаго уже въ лѣтописи самыхъ возмутительныхъ дѣяній человѣка. Спрашивается, одна ли Будино совершила это ужасное преступленіе? Она хладнокровно и упорно винитъ себя одну; но, понятное дѣло, еслибъ у нея были соучастники, ей не пришлось бы такъ долго возиться съ трупомъ. Судебный слѣдователь осматривалъ вмѣстѣ съ убійцею, домъ, въ которомъ совершено описанное убійство;—бѣлый, чистенькій домъ, украшенный зелеными ставнями, окруженными грядами прекрасныхъ цвѣтовъ, представляющихъ вѣчный контрастъ природы, противопоставленной человѣческимъ страстямъ. Преступница повторила тамъ свои признанія; она указала слѣдователямъ всѣ мѣста, гдѣ были сложены ею куски изрѣзаннаго трупа, обнаруживая при этомъ невозмутимое хладнокровіе, или вѣрнѣе, нечеловѣческій цинизмъ. Она сообщила въ малѣйшихъ подробностяхъ, отъ которыхъ дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, всю исторію этого ужаснаго дѣла. Такъ какъ ей трудно было отдѣлить голову отъ туловища, поэтому она отрывала, рѣзала, ворочала ее на всѣ лады, и ужасъ, внушаемый ея разсказомъ, увеличивается еще леденящимъ, безстрастнымъ выраженіемъ лица разсказщицы, ея строгой, обстоятельной рѣчью. Можно подумать, что она разсказываетъ не свое, а чужое преступленіе. Въ заключеніе, мы должны заявить, что преступница никогда не содержалась, какъ утверждаютъ, въ домѣ умалишенныхъ.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО САМАРКАНДА.

Отъѣздъ въ главную квартиру.—Переправа въ Чиназѣ.—Бухарская цѣпная капуста и черепахи.—Что такое *мулушки*.—Дженазъ и его укрѣпленія.—Нашъ солдатъ на походѣ.—Тамерлановскія ворота.—Обзоръ послѣднихъ военныхъ событій: дѣло на Чаначъ-атынскихъ высотахъ, занятіе Самарканда, экспедиція въ Чилекъ и Уруъ-Гутъ, занятіе Каты-кургана, нападеніе Садыка, бой съ бухарцами, дѣйствія шахрисабзскаго бека противъ Самарканда.

Только къ 9-ти часамъ вечера 30-го апрѣля были закончены всѣ бумаги, которыя надобно было доставить въ главную квартиру, и я, съ конвоемъ изъ 2-хъ казаковъ, и весьма на легкѣ, тотчасъ же отправился въ путь. Прохладная ночь, мѣрный шагъ лошади, порядочная усталость за цѣлый хлопотливый день—все это чрезвычайно располагало ко сну, и я придирчиво ухватился за предложеніе проводника отдохнуть въ первой деревнѣ, пока не покажется мѣсяцъ. Главное, надобно было поспѣть къ переправѣ оказіи въ Чиназѣ, до котораго оставалось около 60 верстъ, а какъ съ оказіей шелъ артиллерійскій паркъ, то можно было разсчитывать на нѣкоторое промедленіе переправы,—времени, значитъ, довольно. Пальто наземь, сѣдло подъ голову и, съ мыслію о Святославѣ—врагѣ походнаго комфорта, я поторопился заснуть, какъ подобаетъ усталому человѣку. Тревожная мысль: какъ бы не проспать дольше, чѣмъ слѣдуетъ, подняла меня часа черезъ три. Я разбудилъ казаковъ и на рысяхъ двинулся дальше. Нынѣшнее лѣто принадлежитъ къ числу дождливыхъ, и потому зелень вездѣ великолѣпная; голубыя, ярко изумрудныя и золотисто-красныя птицы сновали вокругъ цѣлыми стаями. Въ стѣнахъ Стараго Чиназа (давно заброшеннаго укрѣпленія) пріютились миріады ласточекъ, и этотъ міръ пернатыхъ оживлялъ, сколько отъ него зависѣло, пустынные ландшафты нашей дороги. Рысью, галопомъ и изрѣдка шагомъ ѣхали мы, боясь опоздать къ переправѣ. Оказія ходитъ всякое 1-е и 15-е число и опоздать—значило засѣсть въ Чиназѣ на 15 дней. Эта неотвязная мысль такъ подгоняла насъ, что къ 11 часамъ утра мы подъѣхали уже къ берегу Сыръ-Дарьи и я тотчасъ же воспользовался приставшимъ паромомъ, чтобы помѣститься съ конемъ между арабами и верблюдами купеческаго каравана. На первомъ же привалѣ пришлось познакомиться съ горько-соленою водою степныхъ колодцевъ и оцѣнить запасы мутной сыръ-дарьинской воды, набранной въ бурдюки. Стемнѣло, когда мы подошли къ ночлегу; авангардъ уже размѣстился и разложилъ огни. Какой-то странный и до крайности противный запахъ поразилъ насъ еще издали—оказалось, что мы вошли въ полосу такъ-называемой бухарской цвѣтной капусты, — не знаю, какъ назвать это растеніе—зонтичное, на толстомъ, мясистомъ, стеблѣ и до 2-хъ аршинъ вышиною. Здѣсь, въ степи, все полосами: пески—такъ ужь пески, колючка—такъ колючка, являются земляныя черепахи—такъ ужь и знайте, что это на сотню верстъ! Вотъ и эта проклятая капуста мучила насъ цѣлыхъ два дня. Подъ конецъ уже мы разобрали, что убійственный запахъ напоминаетъ нѣсколько асса-фетиду, но отъ этого все-таки легче не стало.

Бѣдныя черепахи гибли сотнями: сарты считаютъ ихъ нечистыми (по Корану—за безобразный видъ), а наши солдаты, ужь Богъ ихъ вѣдаетъ почему, не пропускали случая подложить бѣднягу подъ колесо арбы или просто пристукнуть прикладомъ—некрасивъ, значитъ, и не правъ! Мнѣ удалось, впрочемъ, спасти многихъ отъ лютой смерти—солдаты охотно дарили жизнь бѣднымъ черепахамъ, узнавъ, что онѣ ни въ чемъ особенномъ не замѣчены.

Горько-соленую воду лошади не уважаютъ и такъ какъ прѣсная вода была взята въ ограниченномъ количествѣ, то вся надежда оставалась на такъ-называемыя «мулушки». Представьте себѣ круглую каменную башню, шаговъ до 20-ти въ діаметрѣ, съ широкимъ отверстіемъ въ куполѣ и окнами въ стѣнахъ. Подъ башни углубленъ въ землю и служитъ домъ цистерны, когда сквозь отверстіе въ куполѣ наберется достаточно дождевой воды. Эти мулушки, говорятъ, построены еще Тамерланомъ, которому вообще приписываются здѣсь всѣ значительныя постройки. Въ мулушкахъ иногда бываетъ весьма много воды, но, какъ нарочно, мы не попали въ это *иногда* и потому многія лошади оставались безъ воды трое сутокъ. Самая вода отъ черпанія мутилась до такой степени, что весьма скоро обращалась въ жидкую грязь, отъ которой лошади благоразумно отказывались.

Подъ Мурзарабатомъ, 25-го мая, мы встрѣтили оказію изъ Джизака и узнали, что наши войска выступили изъ Яны-Кургана по направленію къ Самарканду и имѣли дѣло съ бухарцами у Каменнаго моста. Извѣстіе это подтвердилось въ Джизакѣ и не мало огорчило жаждавшихъ славы, которыхъ судьба обнесла Самаркандомъ. Джизакъ окруженъ тремя стѣнами, но промежутки такъ узки, что кажутся просто коридорами. Опасеніе быть отрѣзанными отъ воротъ — единственнаго спасенія въ случаѣ неустойки — лишаетъ оборону извѣстной степени упорства, а узкіе коридоры обѣщаютъ осажденнымъ громадныя потери, если коридоръ будетъ запертъ штурмующими съ обоихъ концовъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Лѣвое воротъ видны слѣды бреши, а почти въ самыхъ воротахъ, между стѣнами, развалины взорваннаго осажденными порохового погреба, не причинившаго своимъ взрывомъ никакого вреда русскимъ. Въ городѣ нѣтъ порядочной воды: пить можно только прокипяченную и отстоявшуюся воду, если обиліе красныхъ насѣкомыхъ и глины не покажется особенно пріятною приправою, избалованному на невской водѣ, вкусу петербуржца.

За городомъ, по дорогѣ въ лагерь, я видѣлъ у самой дороги три свѣжія могилы. Въ одной зарытъ русскій солдатъ, найденный здѣсь обезглавленнымъ, а двѣ другія скрыли въ себѣ тѣла двухъ разстрѣлянныхъ за побѣгъ къ непріятелю сартовъ — видны еще и слѣды роковыхъ столбовъ. Съ 4-го мая насъ началъ мочить дождь и не отставалъ вплоть до Самарканда. Перевалъ черезъ отроги Нуратаныхъ-Тау и переправы черезъ многочисленные горные ручьи, вздувшіеся послѣ дождей, обошлись безъ особыхъ приключеній: солдатики, безъ дальнихъ разговоровъ, поснимали сапоги и штаны и, съ прибаутками, переходили броды, а какъ впереди предстояло еще нѣсколько ванны, то многіе такъ и шли штанландцами, подтрунивая надъ непромокаемостію кожаныхъ панталонъ изъ *собственной* кожи. Да и вообще костюмъ солдатъ нашей оказіи не оставлялъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ разнообразія: рубахи всѣхъ цвѣтовъ и покроевъ,—отъ форменной гимнастической до франтовской съ манишкой; панталоны кожаныя, нанковыя и парусиныя—также не уступаютъ въ разнообразіи; изъ подъ кепи спущенъ на затылокъ и шею какой нибудь платокъ; за спиной холщевый мѣшокъ съ богатствомъ; черезъ плечо скатанная шинель. Въ дѣйствующемъ отрядѣ уже царствуетъ нѣкоторое однообразіе—рубахи у всѣхъ бѣлыя, остальныя же принадлежности за этимъ не гонятся. Походная жизнь полна такихъ неожиданностей, что и не слѣдуетъ быть слишкомъ требовательнымъ: то потеряно, это по ошибкѣ сдано въ цейхгаузъ, другое подмочено, третье истрепалось—и всѣ мученики формы томятся въ драповыхъ сюртукахъ подъ 30 градусными жаромъ!

Самая замѣчательная вещь по дорогѣ къ Яны-Кургану—это, безспорно, Тамерлановскія ворота. Представьте себѣ гранитный хребетъ, расколовшійся на двое—вотъ и ворота. Справа и слѣва стоятъ огромныя и отвѣсныя скалы, нагроможденныя другъ на друга безъ особенной симметріи. На правомъ утесѣ (ставъ лицомъ къ Яны-Кургану) на довольно значительной высотѣ вытесаны двѣ плиты съ надписями по-персидски. Я подъѣзжалъ верхомъ къ самой подошвѣ, но надпись сдѣлана такъ высоко, что ни прочесть, ни скопировать невозможно при неполномъ освѣщеніи. У подошвы утеса видны слѣды вырытыхъ столбовъ—мнѣ говорили, что здѣсь были установлены подмостки для извѣстнаго оренбургскаго оріенталиста г. Бекчурина, списавшаго эти надписи. На лѣвомъ утесѣ у входа въ небольшую пещеру

нацарапано, впрочемъ, едва замѣтно, множество гіероглифовъ и между ними двѣ большія русскія буквы М. К. Какія имена скрываются подъ этими буквами остается загадкою да, конечно, никому и не интересно, но эти скромныя буквы напомнятъ прохожему, напримѣръ, хоть о превратностяхъ земнаго счастія: вчера проходилъ здѣсь грозный Тимуръ, сегодня веселый русскій солдатъ.... Эти буквы подали также мысль сдѣлать русскую надпись, въ которой бы были перечислены всѣ города средне-азіятскихъ ханствъ, взятые русскими, годъ событія и имя начальника, командовавшаго войсками. Я полагаю, что эта мысль не встрѣтитъ осужденія—русская слава должна быть дорога всѣмъ русскимъ людямъ, а тутъ и монументъ уже готовъ, воздвигнутый природой—остается только изсѣчь надпись.

Подъѣзжая къ Яны-Кургану, уже темною ночью и подъ сильнѣйшимъ дождемъ, я рискнулъ опередить оказію и самъ—другъ съ бывалымъ купцомъ понесся впередъ. Гостепріимный комендантъ предложилъ помѣститься у него и я принялъ это предложеніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что нашелъ уже тутъ двухъ сослуживцевъ по штабу, только что пріѣхавшихъ изъ Самарканда и сообщившихъ подробности о дѣлѣ на Чапанъ-атынскихъ высотахъ, рѣшившемъ участь Самарканда. Читателямъ уже извѣсто это дѣло изъ реляціи и потому я много распространяться о немъ не буду. Рѣчька Заръавшанъ, раздѣляясь на нѣсколько глубокихъ рукавовъ, неслась такъ быстро, что сносила съ людей скатанныя шинели и прочее, артиллерія съ самаго начала завязла въ болотистомъ грунтѣ разлива и не могла принять никакого участія въ бою, который былъ веденъ и рѣшенъ одною пѣхотою. Бой начался въ $4^1/_2$ часа вечера; бухарцы все тянули переговоры и безпрестанно присылали то красныхъ, то парчевыхъ халатниковъ-парламентеровъ, высматривавшихъ только наше расположеніе и потомъ направлявшихъ свои орудія на штабъ командующаго войсками, какъ бы въ признательность за его долготерпѣніе и готовность покончить все миромъ, не вступая въ бой.

Наконецъ окончательный срокъ истекъ и войска двинулись впередъ, не смотря на перекрестный огонь 21 орудія и мѣстныя препятствія. Молодыя войска (старики ушли въ безсрочные) лихо взбѣжали на крутую и высокую гору; бухарцы, заслышавъ магическое и страшное для нихъ *слово* ура — тотчасъ показали тылъ, не пробуя даже защищать своихъ орудій и траншей. Только нѣсколько частныхъ попытокъ противъ обоза и можетъ служить примѣромъ ихъ предпріимчивости, да и то неудачной. Если бы намъ было извѣстно существованіе удобнаго брода нѣсколько ниже по теченію, то уронъ бухарцевъ былъ бы еще больше, такъ какъ этимъ бродомъ могла легко воспользоваться наша артиллерія и казаки, которые кромѣ того дѣйствовали бы во флангъ и тылъ непріятельской позиціи.

Бѣжавшіе бухарцы побросали ружья, амуницію, сапоги, халаты и наконецъ панталоны. Я объѣзжалъ поле битвы на 6-й день (6-го мая) и видѣлъ цѣлыя толпы разныхъ байгушей-бѣдняковъ, копошившихся въ тряпкахъ и выбиравшихъ годныя вещи. Нѣсколько раненыхъ и убитыхъ бухарцевъ также осталось на полѣ, представляя весьма грустную картину: ватные халаты ихъ, зажженные собственнымъ же фитилемъ (у бухарцевъ ружья по преимуществу фитильныя и фитиль обматывается вокругъ таліи) зажаривали полуживаго бѣднягу, какъ бы доказывая наглядньмъ образомъ явныя неудобства халата, какъ военной одежды и фитиля, какъ ружейной принадлежности. Цѣлыя стаи орловъ и собакъ собрались на бранный пиръ и торопливо уничтожали безобразные слѣды недавняго боя: убитыя лошади и верблюды, заражавшіе уже воздухъ, весьма скоро превратились въ костяки благодаря усердію орловъ и апетиту собакъ.

По занятіи города, весь штабъ помѣстился во дворцѣ бека, а войска въ лагерѣ за городомъ, по дорогѣ къ Бухарѣ. 8-го мая пріѣхалъ коканскій посолъ Мирза-Хакимъ, выѣхавшій изъ Кокана еще 29-го апрѣля, съ цѣлію пожелать генералъ-губернатору успѣха и побѣды. Тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить такое заявленіе со стороны Кокана, что поздравленіе явилось не какъ вынужденное послѣдствіе побѣды, а только пришлось какъ разъ ко времени.

Дворецъ не высокій и глиняный со множествомъ дворовъ и двориковъ; подъ навѣсомъ галерей парадного двора, поставленъ огромный, четыреугольный кусокъ бѣлаго мрамору, который всѣ здѣсь почему-то называютъ *кокъ-ташъ*. Кокъ значитъ синій (по турецки: Гёкъ), а синяго, какъ нарочно, нѣтъ ни полоски. Говорятъ, что настоящій синій камень по смерти Тимура былъ поставленъ на его могилѣ, а въ воспоминаніе этого камня поставленъ другой, ничего что бѣлый. — Въ стѣнѣ около кокъ-таша вмазанъ овальный и выпуклый черный камень съ арабскою надписью. Вамбери, какъ видно и не былъ въ этомъ дворѣ, а по слухамъ разсказалъ о *синемъ* камнѣ и куфической надписи! Садовъ здѣсь меньше, чѣмъ въ Ташкентѣ, но за то есть замѣчательныя постройки, выложенныя изразцами, какъ азретъ туркестанскій. Но на всѣхъ этихъ медресе и мечетяхъ лежитъ печать разрушенія—многія уже до половины развалились. Глядя на узорчатыя башни невольно задаешь себѣ вопросъ: отъ чего бы не воспользоваться хорошимъ примѣромъ и не украшать нашихъ церквей такими же изразцами?—Да и для домовъ вмѣсто всякой штукатурки, краски и прочаго — не дорого бы обошелся рядъ изразцовъ—стоитъ только заказать пробу и начать.

Закончу корреспонденцію короткимъ перечнемъ военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ въ настоящее время. Дѣлали экспедицію въ Чилекъ для введенія нашихъ аксакаловъ и окончательнаго уничтоженія власти бывшаго бека.—Вслѣдъ за тѣмъ посланъ былъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Абрамова къ Уръ-Гуту. Трудно проходимая мѣстность, баррикады въ улицахъ и мужество жителей, гордившихся тѣмъ, что ихъ предки отбились отъ *самаго* Тамерлана, а сами они никогда не подчинялись эмиру—все это повело къ весьма упорной оборонѣ. Наши однако завладѣли городомъ, понеся при этомъ незначительную потерю, но почти всѣ раны нанесены *ботиками* это дубина съ желѣзнымъ шаромъ.—16-го мая, отрядъ изъ 13-ти ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ, ракетной команды, 8 орудій (изъ нихъ 4 нарѣзныхъ) и роты авганской милиціи подъ командою генералъ-маіора Головачева, выступилъ къ Каты-Кургану. 17-го насъ захватилъ сильнѣйшій ураганъ съ пылью, дождемъ и градомъ. Въ м. Шурча выѣхали къ намъ два аксакала и объявили, что бекъ бѣжалъ съ войсками и что городъ сдается. На другой день мы вступили въ городъ. 21 прибылъ посолъ отъ эмира, 22-го пріѣхалъ самъ генералъ-губернаторъ, 23-го Садыкъ сдѣлалъ нападеніе на лагерь съ цѣлію отбить верблюдовъ (это во время переговоровъ!) 24-го генералъ-губернаторъ выѣзжаетъ обратно въ Самаркандъ.

Лагерь бухарцевъ, по слухамъ, стоитъ въ 8-ми или 9-ти верстахъ около деревни *Зира-Булакъ*. Ежедневно съ 4-хъ или 5-ти часовъ утра къ нашему лагерю подъѣзжаютъ конные бухарцы и открываютъ пальбу. Говорятъ, что у нихъ 6 т. сарбазовъ, 13 т. конныхъ, до 16 т. вооруженныхъ жителей и до 14-ти орудій. 27-го у насъ была серьезная перестрѣлка, а 29-го и кавалерійское дѣло, въ которомъ порублено до 70 бухарцевъ, наша же потеря ограничилась двумя убитыми и 5 ранеными. 31-го прибылъ изъ Самарканда самъ генералъ фонъ Кауфманъ съ двумя баталіонами, 6-ю батарейными орудіями и 2-мя сотнями казаковъ. 1-го іюня, окончился 9-ти дневный срокъ, данный послу на доставленіе отвѣта. 2-го, мы выступили по дорогѣ на Кермине и Бухару и на 8-й верстѣ сошлись съ бухарцами, которые, занявъ позиціи на двухъ высотахъ почти паралельно дорогѣ, немедленно открыли огонь. Авангардъ подъ командою полковника Пистолькорса, не отвѣчая на выстрѣлы, выстроился къ бою и двинулся во флангъ непріятелю. У бухарцевъ раздались сигналы, сарбазы поднялись и пошли на насъ въ аттаку. Наша конная артиллерія брызнула картечью, пѣхота крикнула «ура» и бросилась на высоты. Сарбазы отступали медленно, точно на ученіи. Посланы были казаки, но встрѣченные выстрѣлами, они пошли шагомъ, рубя только отсталыхъ. Тогда выдвинута была конная артиллерія и ракетная батарея, которыя обстрѣляли отступавшія массы и произвели въ нихъ замѣтный безпорядокъ. Посланныя въ аттаку двѣ свѣжія сотни смяли и погнали сарбазовъ. Изрублено болѣе 1,000 сарбазовъ. На лѣвомъ флангѣ особенно тяжело досталось 5-му баталіону, который былъ охваченъ съ фланговъ пѣхотой, а съ тылу кавалеріей, но отбился штыками и занялъ высоту. Непріятель отступилъ частію на Карши, частію на Кермине, оставивъ на полѣ сраженія до 1,000 тѣлъ. Въ этотъ же день Шахрисябзскій бекъ и сыновья эмира сдѣлали нападеніе на Самаркандъ, жители отворили имъ ворота цитадельныя, деревянныя ворота были сожжены, но проходъ былъ заваленъ, а позади поставлено орудіе. Шахрисябзскіе горные стрѣлки нанесли нашимъ чувствительный уронъ. Вся наша потеря простирается въ 240 человѣкъ, изъ нихъ до 70 убито. Узнавъ о нашей побѣдѣ—непріятель ушелъ. 9-го утромъ мы пришли изъ Каты-кургана. Городъ сожженъ.

М. Терентьевъ.

О ПЕКАРНѢ СЪ МЕХАНИЧЕСКИМИ ПЕЧАМИ, УСТРОЕННОЙ ВЪ САПЕРНОМЪ УСТЬ-ИЖОРСКОМЪ ЛАГЕРѢ.

Вновь построенная пекарня съ двумя механическими печами въ усть-ижорскомъ лагерѣ, съ 5-го сего іюля открыла свои дѣйствія. На первый разъ было перепечено въ одной изъ ея печей полтора куля муки, изъ которой вышло 67 хлѣбовъ, не свыше 12-ти фунтовъ въ каждомъ. Хлѣбы эти, сверхъ ожиданія, на первый разъ, говорятъ, удались, не смотря на то, что хлѣбопеки не успѣли еще ознакомиться съ механизмомъ печей.

Не будучи знакомы съ техникою, мы воздерживаемся отъ подробнаго описанія этой пекарни, а потому, если въ сжатомъ этомъ очеркѣ окажутся какіе либо недостатки, просимъ заранѣе извиненія у читателей, такъ какъ цѣль наша—ознакомить лишь поверхностно съ нею.

Пекарня, построенная изъ строеваго лѣса, имѣетъ видъ прямоугольника и расположена у самой почтовой шлиссельбургской дороги, лицевою стороною на р. Неву, берегъ которой находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея. Въ пекарню ведутъ двое красивыхъ дверей, съ лицевой стороны отворяющихся на двѣ половины. Печи сложены изъ обыкновеннаго кирпича, одна подлѣ другой, а *подъ* ихъ выложенъ англійскимъ четыреугольнымъ подовымъ кирпичемъ; закрываются онѣ желѣзными герметическими затворами. Вдоль печной стѣны, надъ затворами каждой печи, имѣются желѣзные клапаны (по два съ боковъ и по одному въ центрѣ) и столько же выдвижныхъ желѣзныхъ отдушинъ, которыя служатъ быстрому удаленію изъ печей во время топки дыма и излишнихъ паровъ, скопляющихся при печеніи хлѣба.

Въ близкомъ разстояніи отъ печей, на досчатыхъ подмосткахъ, стоятъ три желѣзныхъ барабана (одинъ запасный), съ двумя внутри ихъ линіями таковыхъ же пальцевъ (по 17-ти въ каждой), всего 34, одинъ противъ другаго. Пальцы эти служатъ для мѣсенія тѣста и легко приводятся въ дѣйствіе однимъ или двумя рабочими посредствомъ чугуннаго колеса на желѣзной оси съ шестернею.

Квашни, числомъ 8 (на каждый барабанъ по 4), находятся на антресоляхъ, устроенныхъ въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ на мукомольныхъ мельницахъ, и расположены на двѣ группы (по 4 въ каждой), имѣя въ головѣ посрединѣ три отверстія, въ которыхъ проходятъ досчатыя трубы. Каждая такая квашня можетъ вмѣщать въ себѣ растворъ изъ четырехъ кулей муки. Неподалеку

ПЯТНИЦА

№ 209

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

за годъ 14 р., за полгода 8 р., за мѣсяцъ 1 р. 50 к. Безъ доставки подписка не принимается. Служащіе гг. офицеры и гражданскіе чиновники могутъ выписывать чрезъ своихъ казначеевъ, съ разсрочкою.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ производится съ Адмиралтейской площади, домъ Главнаго Штаба, во 2-мъ дворѣ, во Сухоп. деп., № 24; въ книжныхъ магазинахъ: главнаго комиссіонера *Русскаго Инвалида*, *Я. А. Исакова*, въ Гостиномъ дворѣ, во Сухоп. деп., № 24; *А. Ѳ. Базунова*, на Невск. пр., въ д. Ольхиной; *А. И. Давыдова*, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, домъ Безрова; въ *Военной Типографіи*, въ зданіи Главнаго Штаба; въ конторахъ редакцій: *Сына Отечества*—на Нѣвскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви, и *С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* — на Адмиралтейской площади, между Гороховою улицею и Вознесенскимъ проспектомъ, домъ Гамбса, № 8. *Въ Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывш. *Базунова*), на Страстномъ бульварѣ; *въ почтамтахъ*: с.-петербургскомъ и московскомъ, и въ тѣхъ почтовыхъ конторахъ, гдѣ подписка на газеты принимается.

КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ *Русскомъ Инвалидѣ*, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ принимается подписка на газету, за исключеніемъ почтовыхъ конторъ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ВѢДОМОСТИ ВОЕННЫЯ, ПОЛИТИЧЕСКІЯ, УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ТАБЕЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

ГОДЪ 55-й.

2/14 АВГУСТА

1868

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

принимается за 1 разъ, петитомъ—5 к. за строку. Печатающіе объявленія 3 раза пользуются уступкою. Реклами 20 к. за строку. За употребленіе рамокъ прибавляется 1/4 цѣны всего объявленія. За разсылку при газетѣ особыхъ объявленій — по 4 рубля съ тысячи.

Извлеченіе изъ донесенія командира винтовой шкуны «Бомборы» (*).

Бухта Суда, на островѣ Кандіи, 13-го іюня.

По приказанію начальника эскадры, контръ-адмирала Бутакова, 8-го іюня, въ 4 часа пополудни, съ ввѣренною мнѣ шкуною вышелъ изъ Пирея для слѣдованія въ Суду, чтобы находиться при нашемъ консульствѣ. Въ бухту Суда прибылъ 9-го числа, въ 3 часа по-полудни; на переходѣ изъ Пирея имѣлъ ровный NO, шелъ подъ парусами и парами, имѣя чаръ отъ 11-ти до 12-ти фунтовъ. Завѣдующій консульствомъ, коллежскій ассессоръ Обермилеръ, сообщилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ окрестностяхъ крѣпости Кандія турецкое населеніе неожиданно въ нѣсколькихъ деревняхъ напало на христіанъ и многихъ перерѣзало и что, вслѣдствіе этого происшествія, генералъ-губернаторъ острова, Гусейнъ-Авни-паша, отправился на броненосномъ фрегатѣ въ Кандію, изъ чего онъ заключилъ, что полученныя имъ свѣдѣнія не безосновательны, вслѣдствіе чего предложилъ мнѣ съ ввѣренною мнѣ шкуною идти въ Ретимно и Кандію, чтобы отъ нашихъ консульскихъ агентовъ получить точныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Въ 4 часа по-полуночи, 11-го іюня, я вышелъ изъ Суды и прибылъ въ Ретимно въ 7½ часовъ, гдѣ отъ консульскаго агента, г. Скулуди, получилъ свѣдѣнія, что въ крѣпости Ретимно христіане не терпятъ большихъ притѣсненій ни отъ турецкаго населенія, ни отъ войскъ тамъ расположенныхъ, по въ окрестностяхъ бывали случаи, что турецкое населеніе производитъ насилія, а иногда и убійства надъ христіанами. Получивъ сказанныя свѣдѣнія, я немедленно снялся съ якоря для слѣдованія въ Кандію, куда и прибылъ въ 4 часа по-полудни. Прибывшій ко мнѣ на шкуну русскій вице-консулъ Мицотаки подтвердилъ дѣйствительность полученныхъ свѣдѣній г. Обермилеромъ, но числительность убитыхъ была значительно менѣе того числа, которое имѣлъ г. Обермилеръ (доходившая до 300 человѣкъ). По моему мнѣнію, незначительность погибшихъ христіанъ въ этомъ случаѣ имѣетъ мало значенія; важенъ фактъ, что мирные христіане не ограждены отъ произвольныхъ дѣйствій фанатиковъ-мусульманъ. 12-го іюня я дѣлалъ визитъ кандійскому губернатору, Пертефъ-паши. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ о послѣднихъ происшествіяхъ, бывшихъ въ окрестностяхъ Кандіи; онъ ихъ не опровергалъ, но говорилъ, что причиной тому были христіане, которые убили двухъ турецкихъ мальчиковъ и третьему отрубили обѣ руки, вслѣдствіе этого баши-бузуки произвольно вышли изъ крѣпости и, вмѣстѣ съ мусульманами, сдѣлали нападенія на нѣсколько деревень, населенныхъ христіанами, и полагалъ, что при этомъ погибло христіанъ не болѣе 30 человѣкъ; точныхъ свѣдѣній онъ еще не получилъ. Нашъ вице-консулъ говорилъ, что погибло 50 человѣкъ, но полагаетъ ихъ гораздо болѣе. При этомъ губернаторъ Кандіи сказалъ мнѣ, что причиной подобнаго избіенія — инсургенты, которые не упускаютъ случая дѣлать вредъ мусульманамъ, и что онъ недавно получилъ письмо отъ Кораки—предводителя партіи инсургентовъ—съ приложеніемъ печати временнаго правительства, что онъ сдѣлаетъ нападеніе на мусульманскихъ жителей и сожжетъ всѣ ихъ деревни. Въ полночь, 12-го числа, Гусейнъ-Авни-паша ушелъ изъ Кандіи въ Канею, взявъ съ собою 8 человѣкъ баши-бузуковъ, закованныхъ въ цѣпи, бывшихъ участниками нападенія на христіанъ, для производства надъ ними слѣдствія, а въ Кандіи оставилъ своего помощника, г. Фотіязи, для подробнаго изслѣдованія бывшихъ безпорядковъ. Бывъ у губернатора, во дворѣ его я видѣлъ весьма много христіанъ, пришедшихъ туда для принесенія своихъ жалобъ; при этомъ вице-консулъ говорилъ мнѣ, что многіе изъ нихъ желаютъ выселиться въ Грецію, вслѣдствіе этого, я предложилъ губернатору, чтобы онъ не препятствовалъ мнѣ взять несчастныхъ, которые бы пожелали эмигрировать; на это онъ объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія, что переселившіеся въ Грецію кандіоты желаютъ возвращенія на островъ, а потому не можетъ согласиться выпустить желающихъ эмигрировать съ острова, чтобы этимъ избѣжать безполезной перевозки.

13-го числа, въ 6 часовъ по-полуночи, я воротился въ бухту Суда, гдѣ засталъ одинъ корветъ «Синопъ», командиръ котораго прислалъ просить меня разсвѣтиться флагами по случаю дня возшествія на престолъ султана, что я и исполнилъ. Корабль «Кассово», подъ флагомъ адмирала Ибрагимъ-паши, и броненосный фрегатъ «Азизія», для торжества перешли въ Канею. Гусейнъ-Авни-паша далъ большой оффиціальный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ консулы и командиры иностранныхъ судовъ; я былъ въ числѣ приглашенныхъ, а гг. офицеры получили приглашеніе быть на вечерѣ, на которомъ присутствовали большею частію семейства всѣхъ консуловъ.

Капитанъ 2-го ранга *Банковъ*.

ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ (**).

II. Нагорный край Туркестанскаго генералъ губернаторства

Горы Алатау. — Александроградъ. — Кокаискія и наши крѣпости.—Каракиргизы.

Вліяніе русской власти на каракиргизовъ, кочующихъ въ нагорной части туркестантскаго генералъ-губернаторства, а именно вокругъ озера Иссыккуля, еще не упрочено укрѣпленными пунктами, хотя русскіе отряды проникали въ горы не только до рѣки *Нарына*, но даже до озера *Чатыркуля*, находящагося на сѣверномъ склонѣ *Небесныхъ горъ*, на границѣ съ владѣніями кашгарскаго бека Якуба. Между тѣмъ прочное положеніе наше въ этихъ мѣстахъ необходимо въ высшей степени, ради благосостоянія цѣлаго края, потому, что каракиргизы доселѣ дики и оригинальны до того, что, не взглянувъ на нихъ, иной не повѣритъ ихъ особенностямъ. Но не спеціалисту, въ родѣ меня, все-таки приходится писать о мѣстности этой лишь краткія дорожныя замѣтки въ ожиданіи спеціальныхъ описаній тѣхъ, кто ѣздилъ дальше моего и видѣлъ больше. Я же съ своей стороны скажу лишь, что весь нагорный край новаго генералъ-губернаторства очень дикъ, живописенъ, богатъ и вслѣдствіе всего этого весьма интересенъ. Я былъ лишь въ долинѣ р. Чу и частію въ долинѣ Таласа, и о нихъ скажу все то, что успѣлъ замѣтить по дорогѣ.

Водораздѣлъ рѣкъ *Чу* и *Таласа* (*), начинаясь у Ауліэ-ата подъ именемъ *Александровскаго хребта*, идетъ на востокъ къ озеру Иссыккулю и покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. Каракиргизы зовутъ горы эти *Алатау*—пестрыя горы. Подъ этимъ же именемъ извѣстны у каракиргизовъ и всѣ прочія горы, окружающія озеро Иссыккуль и очерчивающія долины рѣкъ *Сусамыра*, *Джумгала* и *Нарына*, изъ которыхъ составляется Сыръ-Дарья. Всѣ горные кряжи, южнѣе по рѣкамъ *Колесу*, *Чоткалу* и *Чирчику*, извѣстны въ народѣ и географіи подъ названіемъ *Каратау*—черныхъ горъ. Онѣ также населены *каракиргизами* и осѣдлыми *таджиками* — вплоть до праваго берега Сыра и также живописны, какъ и горы Алатавскія; но о нихъ я говорилъ уже отчасти въ замѣткахъ по дорогѣ въ Коканъ.

Минеральныя и другія богатства Алатавскихъ горъ пока еще не публикованы.—Слышно, что въ горахъ много строеваго лѣсу, который, конечно, значительно облегчитъ колонизацію Чуйской долины и нагорнаго края,—если только колонизація не будетъ найдена стѣснительной для туземнаго населенія, состоящаго изъ незначительнаго количества осѣдлыхъ туземцевъ (сартовъ) и многочисленныхъ киргизскихъ родовъ *Большой* и *Дикокаменной* ордъ.

Крѣпость *Ауліэ-ата* (святой отецъ) расположена на рукавахъ р. Таласа, когда рѣка эта, пройдя нижнимъ теченіемъ своимъ долину между хребтами *Урта-Тау* и *Александровскимъ*, поворачиваетъ на сѣверъ и огибаетъ справа первыя возвышенности Александровскихъ горъ. Таласъ дѣлится тутъ на нѣсколько рукавовъ и бѣжитъ довольно быстро, какъ и всѣ вообще горныя рѣчки и арыки въ этой мѣстности. Крѣпость Ауліэ-ата расположена по лѣвому берегу крайняго лѣваго рукава рѣки и состоитъ собственно изъ крѣпости-цитадели, незначительной русской слободки и сартовскаго поселенія. Ауліэатинскій базаръ не великъ; торговля на немъ въ особенности скотомъ и хлѣбомъ постоянно весьма значительна. Скотъ и хлѣбъ доставляется киргизами и каракиргизами, и сравнительно съ другими мѣстностями области весьма дешевы. Въ будущемъ и тѣмъ болѣе съ построеніемъ тутъ города *Александрограда*, пункту этому предстоитъ весьма важное торговое и административное значеніе. Лучшимъ мѣстомъ для новаго города, по мнѣнію нашему, была бы обширная площадь къ востоку отъ нынѣшняго поселенія, съ почвою твердою, нетронутою, пересѣченная съ сѣвера на югъ свѣтлыми и быстрыми рукавами Таласа, который въ свою очередь, проходя подъ Александровскими горами, находящимися тутъ весьма не далеко, окаймлялъ-бы городъ съ востока. Большой почтовый путь изъ Сибири, караванный путь черезъ горы въ Коканъ, сосѣдство киргизовъ, богатыхъ скотомъ, и каракиргизовъ по Таласу, богатыхъ хлѣбомъ, умѣренный климатъ, вода лучшая въ области, довольно живописная мѣстность,—все это составляетъ хорошее ручательство за процвѣтаніе новаго города, потому что непремѣнно привлечетъ торговыя и промышленныя силы. Кромѣ всего этого, основаніе Александрограда въ свою очередь не малую пользу принесетъ и цивилизаціи края, населеннаго по преимуществу дикими и доселѣ воинственными родами киргизовъ, извѣстныхъ въ нашихъ географіяхъ подъ названіемъ *дикокаменныхъ*.

При коканскомъ правительствѣ съ Ауліэ-ата начинался рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ или *кургановъ*, вмѣщавшихъ гарнизоны, съ помощію которыхъ правительство только и могло, въ случаяхъ надобности, напримѣръ, при сборѣ податей, вліять на своихъ бродячихъ и дикихъ подданныхъ. Но приказы хана и ауліэ-атинскихъ беговъ, вѣдавшихъ эту мѣстность, все-таки порою не имѣли никакого значенія, потому что тѣ же самые киргизскіе *біи* и каракиргизскіе *манапы*, что лежатъ теперь спокойно, хотя и не всегда, въ аулахъ, осаждали бековъ въ ихъ резиденціи Ауліэ-ата и опустошали окрестности города, не боясь коканскихъ пушекъ. Причиною этихъ народныхъ движеній были по большей части безсовѣстные поборы, сопровождавшіеся зачастую арестами біевъ и манаповъ, въ чаяніи, что ихъ выкупятъ родичи. И родичи иногда дѣйствительно ихъ выкупали, но иногда, выведенные изъ терпѣнія, шли войною противъ правительства, нравственное вліяніе котораго было вообще плохо, а потому со стороны правительства совершенно благоразумно было позаботиться о вліяніи чисто физическомъ: объ укрѣпленіяхъ и пушкахъ, тоже, впрочемъ, не всегда страшныхъ для дикихъ наѣздниковъ. Укрѣпленія были на урочищахъ: *Меркэ*, *Чалдыварь*, *Аксу*, *Пишпекъ* и *Токмакъ*. По мѣрѣ движенія русскихъ войскъ съ сибирской границы, пункты эти, кромѣ Пишпека, очищались отъ коканскихъ гарнизоновъ сами собою. Пишпекъ штурмовали два раза, потому что послѣ перваго штурма онъ не былъ занятъ нашимъ гарнизономъ, и вслѣдствіе этого возобновленъ коканцами. Токмакъ, Аксу, Чалдываръ и Меркэ были брошены. Затѣмъ безъ особыхъ усилій со стороны русскихъ войскъ, хоть и съ большими потерями для несчастнаго населенія, была взята крѣпость Ауліэ-ата, и такимъ образомъ долина р. Чу, съ киргизскими и каракиргизскими кочевьями, была завоевана вся.

Изъ названныхъ выше укрѣпленныхъ пунктовъ,

(*) Изъ *Кронштадтскаго Вѣстника*.
(**) См. № 112-й *Русскаго Инвалида*.

(*) Таласъ идетъ изъ Алатавскихъ горъ въ озеро *Каракуль*.

кромѣ Ауліэ-ата, были оставлены и существуютъ теперь *Меркэ* и *Токмакъ*, какъ крѣпости 3-го класса.

Меркэ находится въ 140 верстахъ восточнѣе Ауліэ-ата, почти у подножья Александровскихъ горъ, и состоитъ изъ небольшаго форта на мѣстѣ коканскаго кургана, съ гарнизономъ изъ казаковъ, почтовой станціи, одного или двухъ частныхъ домовъ и нѣсколькихъ сартовскихъ лавочекъ.

Печальный уголокъ этотъ, по общимъ отзывамъ, не пользуется, вдобавокъ ко всему, здоровымъ климатомъ, а по мнѣнію нашему, утратилъ и всякое значеніе, какъ административный и стратегическій пунктъ, потому что русская власть, сравнительно, далеко проникла уже въ горы, у подножія которыхъ стоитъ укр. Меркэ, и на мѣстѣ его въ настоящую пору достаточно было бы имѣть лишь почтовую станцію, и, пожалуй, на всякій случай, казачью команду человѣкъ въ 30, для захвата воровъ и грабителей въ сосѣднихъ аулахъ Дулатовъ и Султовъ.—Пикетъ Меркэ не потребовалъ бы ремонта крѣпостныхъ стѣнъ (*), въ которыхъ, на этой мѣстности, нѣтъ теперь ни малѣйшей надобности, и которыя тутъ же напротивъ, на южномъ склонѣ Александровскаго хребта, въ верховьяхъ рѣки Таласа, были бы вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Тутъ наше вліяніе, за неприступностію горъ, пока еще довольно слабо, а между тѣмъ мѣстность выгодна для укрѣпленія, потому что всѣ кочующіе по Таласу каракиргизы богаты хлѣбомъ и скотомъ; сообщеніе съ Ауліэ-ата долиною Таласа будетъ тоже среди богатыхъ родовъ Кощи и Сару; наконецъ, съ занятіемъ коканскаго укрѣпленія *Куртки*, на Нарынѣ, что, въ свою очередь, положительно необходимо,—между нимъ и Александроградомъ весьма полезно имѣть укрѣпленный пунктъ, иначе Куртка будетъ слишкомъ далеко заброшена въ горы. При томъ же и горная промышленность, не обезпеченная ничѣмъ съ востока, нуждается пока въ вооруженной поддержкѣ со стороны правительства. Но соображенія по этому поводу новой администраціи туркестанскаго генералъ-губернаторства, полагаю, принесутъ болѣе пользы, нежели наши дорожныя замѣтки, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время прошелъ слухъ объ экспедиціи въ верховья Нарына, для построенія моста черезъ Нарынъ, а слѣдовательно и укрѣпленія (**).

Осѣдлыхъ пунктовъ между Меркэ и Токмакомъ нѣтъ. Около Пишпека было при коканцахъ поселеніе, но теперь не существуетъ.

Впрочемъ, говорятъ, туземцы желаютъ поселиться тутъ снова, и хорошо сдѣлаютъ. Въ окрестностяхъ есть и остатки коканскихъ садовъ, и земля, благопріятная будто бы въ особенности для овощей. Пишпекскіе арбузы и дыни пользуются въ этихъ мѣстахъ извѣстностью. Окрестности Пишпека на сѣверъ до рѣки Чу, на западъ до Меркэ и на востокъ до китайской границы заняты кочевьями каракиргизовъ или дикокаменной орды. На югѣ границей кочевьевъ каракиргизовъ можно назвать Небесныя горы, или Тянь-Шань....

Нѣсколько словъ о Токмакѣ и каракиргизахъ, и я кончу мои дорожныя замѣтки.

Укрѣпленіе *Токмакъ* построено не вдалекѣ отъ коканскаго кургана (крѣпости) того же имени и заключаетъ въ себѣ небольшой фортъ роты на двѣ гарнизона, незначительную слободку поселянъ и небольшой базаръ.

Положеніе поселянъ, пришедшихъ въ этотъ далекій край, чуть-ли не случайно,—доселѣ не блестяще (***). Конечно, время возьметъ свое, и тѣ 10 семействъ, которыя живутъ теперь около Токмака, въ весьма недалекомъ будущемъ, при новой администраціи края, сдѣлаютъ свое дѣло, скажутъ свое слово въ исторіи колонизаціи чуйской долины.—Поселенія могутъ быть основаны, кромѣ Токмака, на Чалдыварѣ и у Пишпека.—Но предварительно всякихъ начинаній необходима хозяйственная съемка и по возможности подробное описаніе земель для того, чтобы уравновѣсить права на пользованіе угодьями между поселянами и каракиргизами.

Кочевое племя это издавна живетъ въ этой мѣстности. Происхожденіе каракиргизовъ мнѣ въ подробности неизвѣстно. Какъ и кураминцы, о которыхъ я говорилъ въ дорожныхъ замѣткахъ въ Коканъ, каракиргизы — родня всѣмъ тремъ подвластнымъ намъ ордамъ: Большой, Средней и Малой.—Сами каракиргизы, полные дикой поэзіи, какъ и горы ими обитаемыя, обставили свое происхожденіе легендами, вполнѣ характеризующими ихъ простоту и дикость, какъ истыхъ дѣтей природы. Напримѣръ, прародительницей своей они считаютъ какую-то красную собаку..... Впрочемъ, любопытныхъ отсылаю къ запискамъ Русскаго географическаго общества за 1863 годъ,—гдѣ есть о каракиргизахъ многія спеціально собранныя подробности.

На самомъ дѣлѣ предки каракиргизовъ, или по русски *черныхъ киргизовъ*, будто бы бѣглые рабы султановъ со всѣхъ 3-хъ ордъ, всѣ тѣ, кому было и голодно, и холодно, и больно подъ властью ничѣмъ не обузданныхъ повелителей, и они ушли на окраину территоріи, какъ это было и на Руси, гдѣ казачество, выдѣлившись изъ общества, въ лицѣ угнетенныхъ холопей,—основалось на крайнихъ предѣлахъ родины, сложило себѣ законы, обычаи, дало себѣ одежду, выработало свой языкъ, нравы и всю обстановку жизни, не мѣняя, впрочемъ, религіи, и, наконецъ, въ окружающихъ его экономическихъ и другихъ условіяхъ края нашло свое благосостояніе, даже избытокъ.—Все это случилось и съ каракиргизами. У нихъ осталась магометанская религія и бытъ всѣхъ киргизовъ; сохранилась, хотя и не вполнѣ, ихъ одежда, но во многомъ измѣнились ихъ нравы, языкъ и характеръ. Начнемъ съ того, что у нихъ нѣтъ *султановъ*, нашихъ дворянъ, людей *бѣлой кости* (*), но у нихъ, все-таки есть *манапы*, хотя и ничѣмъ не отличающіеся отъ толпы, но весьма любимые ею. Это по большей части потомки извѣстныхъ наѣздниковъ времени эпоса каракиргизовъ, люди не рѣдко бѣдные, темные, но въ большинствѣ уважаемые народомъ до того, что онъ зоветъ себя рабомъ (кулъ) манаповъ и умираетъ за нихъ въ схваткахъ.

Каракиргизы очень хищны, и этимъ объясняется то довольство, даже богатство, которое можно встрѣтить между ними весьма часто. Они поправили свое положеніе на счетъ своихъ же притѣснителей—киргизовъ, которыхъ они зовутъ *сопляками* (манка-казакъ), но подъ часъ, и весьма недавно, каракиргизы не щадили и другъ друга, а также и трусливыхъ сартовъ. Впрочемъ, нѣкоторые каракиргизскіе роды не такъ воинственны и издавна занимаются земледѣліемъ, а именно Сару и Кощи, въ долинѣ Таласа. Исключительное занятіе другихъ въ настоящее время скотоводство, хотя они все-таки не чужды и земледѣлія; а въ былое время — набѣги, *барымта*, по-русски—баранта. Тутъ выдвигались своей отвагой и умомъ личности, становившіяся потомъ во главѣ цѣлыхъ поколѣній,—*манапы*; тутъ храбрымъ народъ давалъ кличку — *батыръ* (богатырь), которая не умирала многіе десятки лѣтъ, за многими осталась доселѣ, и на печатяхъ манаповъ я видѣлъ это слово не рѣдко. Напримѣръ: *Байтыкъ—батыръ, сынъ Каная — батыра*. И лежатъ эти батыры на родныхъ долинахъ и по горамъ подъ высокими *мазаръ* (памятниками), на которые оріентируется проѣзжій дикарь, или доживаютъ свой вѣкъ мирно, пожалованные русскими офицерскими чинами. Въ большинствѣ они сознали, что съ русскою властью пришла иная пора, хотя все-таки подъ часъ дикая воля беретъ въ нихъ свое....

Каракиргизы не могутъ назваться народомъ красивымъ, стройнымъ; но все же они племя здоровое, хоть и сухопарое, и часто обращали на себя мое вниманіе миніатюрностію ногъ и рукъ. Про отвагу и ловкость каракиргизовъ въ горахъ нечего и говорить. Женщины каракиргизовъ красотой не славятся, кромѣ, впрочемъ, племени сарыбагышъ.

Подъ самымъ Токмакомъ у насъ сломался тарантасъ. Уславъ ямщика за почтовою тележкой и оставивъ при тарантасѣ казака, я и спутникъ мой К. пошли бродить по окрестнымъ овощнымъ плантаціямъ (багча). Была половина августа, и мы хотѣли попытать счастія: не найдемъ ли зрѣлый арбузъ? Близъ перваго же шалаша насъ окружила толпа полунагихъ, или совсѣмъ нагихъ, черныхъ, востроглазыхъ киргизятъ, и мы въ сопровожденіи ихъ пошли по багчамъ. Много перепортили мы арбузовъ, хоть и заплатили за нихъ, и наконецъ-таки напали на одинъ, оказавшійся довольно зрѣлымъ. Мы сѣли лакомиться.

— Какого вы рода? спросилъ К. толпу присѣвшихъ вокругъ насъ киргизятъ.

— Сарыбагышъ, отвѣтило нѣсколько голосовъ разомъ.

— Говорятъ, у сарыбагышей очень красивы дѣвушки,—сшутилъ К., а вы молодцы—посмотрите на себя...

— Да, отвѣтилъ мальчикъ старше другихъ, наши дѣвушки хороши, какъ это... И онъ указалъ на золотой погонъ К.

Маленькій дикарь не нашелъ лучшаго сравненія для красоты своихъ соплеменницъ.

Коренныя кочевки сарыбагышей находятся на сѣверномъ берегу озера Иссыккуля; наши собесѣдники были—*байгуши*—бѣдняки.

Языкъ каракиргизовъ схожъ съ сартовскимъ, хотя не особенно отличается и отъ общаго киргизскаго; тѣмъ не менѣе знающимъ киргизскій и даже сартовскій языки понять каракиргиза на первыхъ порахъ трудно, также какъ и знающимъ лишь киргизскій языкъ трудно понять сарта. Впрочемъ, синтаксисы каракиргизскаго, сартовскаго и киргизскаго нарѣчій, насколько я понимаю ихъ, совершенно между собою тождественны. Конечно, это объясняется однимъ общимъ тюркскимъ корнемъ всѣхъ трехъ названныхъ мною нарѣчій.

Одежда каракиргизовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ общей киргизской. Разница въ головномъ уборѣ женщинъ—*саукуля*—высокой, убранной жемчугомъ и расшитой шелкомъ остроконечной шапкѣ, которая однако рѣдко попадается въ Малой ордѣ, и въ сапогахъ, отличающихся у каракиргизовъ положеніемъ каблука, едва не посрединѣ подошвы. Впрочемъ, обувь эта очень удобна для горъ, также какъ и сартовскіе сапоги и туфли съ острыми желѣзными каблуками удобны для ходьбы по непроходимой грязи сартовскихъ городовъ, когда прохожій, съ помощію своихъ острыхъ пятокъ, едва-едва бредетъ иной разъ стороною, имѣя съ одного боку стѣну, на которую опирается, а съ другой—бездну грязи.

Каракиргизы воинственны, точнѣе хищны. Но хорошимъ оружіемъ они все-таки запастись не успѣли. Да и откуда, отъ кого?.... Сосѣди—съ одной стороны — китайцы, съ другой—сарты, съ третьей—киргизы. Извѣстно, что тѣ и другіе и третьи только въ послѣднее время можетъ быть сознали негодность своихъ фитильныхъ ружей. Всякая другая воинская, такъ сказать, принадлежность каракиргизовъ тоже незамысловата: они носятъ тѣ же кривыя сабли, кажется, имѣютъ копья, и.... только. Что у нихъ оригинально, такъ это сѣдла: они по складу почти тѣ же, что и у всѣхъ киргизовъ, но разнятся отъ нихъ тѣмъ, что необыкновенно малы, окованы мѣдью, также, какъ и вся принадлежность ихъ, т.-е. узда, *пахвы* (нахвостникъ), нагрудникъ усажены мѣдными бляхами; сѣдла держатся на лошади съ помощію одного *ка-*

(*) Говорятъ, Токмакъ, выстроенный вновь, до послѣдняго времени стоитъ сотни рублей, а Меркэ, построенное на мѣстѣ коканскаго кургана, до 10 тысячъ....

(**) Отрядъ подъ командою полковника Краевскаго уже на Нарынѣ. Іюнь 1868 г. *Авторъ*.

(***) Поселяне эти шли собственно въ Томскую или Омскую губерніи и дошли до нихъ; но по недостачѣ будто бы свободныхъ—удобныхъ земель, направились къ Токмаку, услышавъ объ удобствахъ окрестностей этого пункта. Впрочемъ, вопросъ о русскомъ поселеніи у Токмака доселѣ не тронутъ.

(*) Такъ это было сначала и у казаковъ.—Казачье дворянство—явленіе весьма позднее.

таура (первой подруги) и требуютъ отъ всадника большой привычки къ нимъ, сноровки, въ особенности когда лошадь горяча, тогда на миніатюрномъ, настоящемъ каракиргизскомъ сѣдлѣ держись.... Но я видѣлъ толстяковъ-каракиргизовъ, которымъ ихъ крошечныя сѣдла были также удобны, какъ иному барину кресло. Старинныя каракиргизскія стремена, первообразъ стремянъ всѣхъ киргизовъ вообще, дѣлаются изъ дерева и съ помощію металлическихъ, по большей части мѣдныхъ, гвоздиковъ, обкладываются костью. Кони каракиргизовъ весьма обыкновенны, по-крайней-мѣрѣ на мой взглядъ, и я не могу сказать о нихъ что-либо особенное. Полагаю, что они привычны къ горнымъ крутизнамъ и только. Переносливости степныхъ киргизскихъ коней я въ нихъ не допускаю, потому что въ горахъ слишкомъ достаточно воды, снѣгу и вообще влаги для того, чтобы горная лошадь не годилась для голой и знойной степи, также, какъ и лошадь равнинъ не всегда годится въ горахъ.

Рогатый скотъ каракиргизовъ мелокъ; онъ помимо своего прямаго назначенія служитъ при перекочевкѣ, когда быки, коровы и даже телята несутъ на спинахъ вьюки или даже всадника или всадницу. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ на животномъ бываетъ сѣдло и вы невольно вспоминаете извѣстную русскую пословицу. Черезъ переносье животнаго обыкновенно еще въ молодости его продѣвается деревянное кольцо, къ которому привязывается арканъ. Съ помощію этого оригинальнаго и мучительнаго инструмента даже дѣти располагаютъ животнымъ, какъ имъ угодно. Верблюды каракиргизскіе принадлежатъ къ той же породѣ, что и обще-киргизскіе. Бараны мелки и цѣнятся сравнительно съ киргизскими не дорого.

Кромѣ скотоводства, общаго всѣмъ каракиргизамъ, нѣкоторые роды ихъ занимаются исключительно земледѣліемъ. Напримѣръ, Сару и Кощи, на Таласѣ, которые разбогатѣли отъ земледѣлія съ приходомъ русскихъ и съ прекращеніемъ прежнихъ безобразныхъ поборовъ. Теперь подати всѣхъ кочевниковъ ограничиваются лишь тремя рублями въ годъ съ каждой кибитки или юрты.

Назвать точную цифру кибитокъ каракиргизовъ въ настоящее время возможности нѣтъ; но, думаю, что скоро это будетъ очень легко. А потому здѣсь мы ограничимся лишь наименованіемъ мѣстъ кочеванія каракиргизовъ: а) родъ *Султы*, раздѣляющійся въ свою очередь на нѣсколько родовъ и отдѣленій, кочуетъ лѣтомъ въ Александровскихъ горахъ и по р. Сусамыру; зимуетъ въ долинѣ р. Чу.

b) *Сарыбагышъ* — на сѣверномъ берегу Иссыккуля.

c) *Саякъ* — частію на Сусамырѣ, частію на рр. Джумгалѣ и Кошкарѣ.

d) *Кутлусаитъ*, *Багышъ*, и другіе — въ горахъ по рѣкамъ Таласу, Сусамыру, Карабурѣ, Чоткалу и другимъ.

Къ сожалѣнію, я не могу сообщить болѣе подробныхъ свѣдѣній, потому что былъ въ краѣ недолго... Но подробныя и точныя свѣдѣнія о каракиргизахъ и нагорномъ краѣ вообще, полагаю, пока еще въ будущемъ: ихъ трудно собирать по недоступности горъ и по неопредѣленности нашихъ границъ и нашихъ вліяній на сосѣдей. И только побѣдамъ генераловъ Черняева и Романовскаго, сдѣлавшимъ русское имя грознымъ и уважаемымъ во всей Средней Азіи, мы обязаны вліянію нашему на каракиргизовъ. Но помимо страха русскихъ штыковъ и пушекъ, имя Черняева не умретъ въ каракиргизахъ, потому что онъ умѣлъ привязать къ себѣ этихъ дикарей и они звали и зовутъ его *батыромъ*... Я слышалъ, что одинъ старый и почтенный манапъ, кажется, изъ рода Сарыбагышъ, начиналъ письма свои къ Черняеву будто бы такъ: *«Сыну моему, военному губернатору генералу Черняеву...»* Тогда въ подданствѣ Россіи были роды: Сарыбагышъ, Султъ, Кощи, Сару... Другіе платили дань Кокану. Скоро предался многочисленный родъ Саякъ; за нимъ лѣтомъ прошлаго года перешелъ, хотя и не вполнѣ, родъ Кутлусаитъ, и... кто знаетъ? можетъ быть, благодаря славѣ русскаго имени, передадутся и другіе роды, которыхъ, говорятъ, вокругъ озера Иссыккуля, на Нарынѣ и южнѣе въ предѣлахъ Коканскаго ханства еще довольно. Но предварительно необходимо упрочить наше вліяніе на тѣхъ, которые къ намъ уже пришли, иначе цѣль правительства — умиротворить край не достигается и по причинамъ весьма простымъ: дикари ничѣмъ не связаны въ горахъ, и какой нибудь *Байтыкъ*, нашаливъ какъ бы то ни было, въ настоящее время имѣетъ почти полную возможность откочевать съ своими аулами въ горы на Джумгалъ или въ верховья Нарына. Такъ это едва не случилось въ прошломъ году, когда манапъ этотъ, разграбивъ манапа *Рускулбека* и уклоняясь отъ слѣдствія, имѣлъ будто бы, — по сообщенію бывшаго на Нарынѣ съ отрядомъ полковника Полторацкаго,— намѣреніе уйти въ Коканскіе предѣлы. Но этого нельзя было сдѣлать потому, что дорогу, кромѣ полковника Полторацкаго, стерегла другая половина рода Саяковъ, родственниковъ ограбленнаго Рускульбека. Манапа этого я видѣлъ въ ту пору въ Ауліэ-ата. Ему за пятьдесятъ лѣтъ, и онъ, благодаря лишь ограбленію его Байтыкомъ, *въ первый разъ въ жизни* пріѣхалъ въ Ауліэата и *увидѣлъ, что такое*, хотя бы даже и сартовская *осѣдлость*... А разграбившій его Байтыкъ тогда только что вернулся изъ Петербурга... Вотъ и судите этихъ господъ, какъ вамъ угодно...

Второю причиною нескораго достиженія правительствомъ цѣлей его относительно нагорнаго края, я долженъ назвать постоянную, сильную пропаганду ислама, которую ведутъ въ горахъ, положительно ради корысти, заѣзжіе изъ Кокана и другихъ городовъ ханства, муллы. Я положительно знаю, что въ прошломъ году лѣтомъ довзжалъ по горамъ почти до Таласа нѣкій Иманканъ-Ходжа, мулла изъ Намангана, и набралъ въ каракиргизскихъ кочевьяхъ за свои молитвы много разнаго добра... Кто цензировалъ мистическія проповѣди этого эксплуататора?

А горы Алатавскія, съ ихъ дикими обитателями, богаты и неприступны, и наши крѣпости, вмѣсто долинъ Таласа, Нарына и Чоткала, стоятъ въ долинѣ р. Чу...

Александръ Хорошихинъ.

Ташкентъ. Февраль, 1868.

Изъ переписки графа А. А. Аракчеева.

Личность графа Аракчеева, пріобрѣвшая столь большое значеніе въ царствованіе императоровъ Павла и Александра I и пользовавшаяся извѣстностію въ цѣломъ государствѣ при жизни, была предметомъ многихъ толковъ послѣ его смерти, толковъ, продолжающихся по настоящее время и притомъ весьма разнообразныхъ. Историческія свѣдѣнія почти единогласно указываютъ на Аракчеева, какъ на человѣка жестокаго, бездушнаго и безсердечнаго. Мнѣ случалось, однако же, слышать отъ лицъ, знавшихъ Аракчеева при жизни, что это былъ только педантъ безъ образованія въ полномъ значеніи этого слова. Педантизмъ этотъ велъ его, по словамъ тѣхъ же лицъ, къ жесткости въ обращеніи, такъ что строгость во всемъ, до мельчайшихъ подробностей, сдѣлалась его болѣзнію, съ которою онъ одинаково возны-